

Клэр Норт

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Новый роман
от автора
«Пятнадцать
жизней
Гарри Огаста»

 best
book
ever

Annotation

Это случилось очень давно. Но я помню своего убийцу – он напал на меня на одной из темных улиц Лондона. Теряя сознание, я упала и коснулась его... Так произошло мое первое «переключение». Я стояла и наблюдала за собственной смертью глазами своего убийцы. Теперь я могу выбирать себе любое тело, любую жизнь – на день или на целые годы. Я могу быть кем угодно.

Так кто же я?

Я – никто.

Я – любовь.

Я – это вы.

Клэр Норт

Прикосновение

Claire North
TOUCH

© Claire North, 2015

© Перевод. И. Моничев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Жозефина Цебула умирала, хотя умереть должна была я. Она получила две пули в грудь, одну в ногу. Казалось бы, на этом все должно было закончиться, однако стрелок перешагнул через ее готовое испустить дух тело и продолжал искать меня.

Меня.

Я съежилась внутри какой-то женщины с опухшими лодыжками и мягкими вялыми запястьями, наблюдая, как умирает Жозефина. У нее посинели губы, кожа побледнела, кровь вытекала из раны, будто нефть из скважины. При каждом выдохе, по мере того как кровь наполняла ее легкие, изо рта у нее появлялась розовая пена. Убийца уже двигался дальше, приподняв пистолет, высматривая подмену, прыжок, контакт, кожу, но публика на станции сейчас напоминала огромный косяк сардин, бросившихся в разные стороны при появлении акулы. Я побежала вместе с толпой, споткнулась в непрактичной обуви, не удержала равновесия и упала. Мои пальцы коснулись ноги бородатого мужчины, седого, в коричневых брюках, который, вероятно, совсем недавно весело качал на коленях своих избалованных внуков. Но сейчас с искаженным от страха лицом он бежал, расталкивая незнакомых ему людей локтями и кулаками, хотя был, несомненно, очень добрым человеком.

В такие моменты используешь все, что можешь, и все сойдется. Я плотнее стиснула его голень и прыгнула, беззвучно проникнув ему под кожу.

На мгновение я почувствовала себя неуверенно. Я только что была женщиной и вдруг стала мужчиной. Старым и испуганным. Но у меня теперь были крепкие ноги и полные воздуха легкие. Усомнись я в этом, не сделала бы ни движения. Позади меня женщина с опухшими лодыжками издала вскрик. Стрелок повернулся, оружие на изготовку.

Что он видит? Женщина упала на лестнице, а добрый старик пытается ей помочь. На мне белая шапочка хаджи. Я думаю о любви к своей семье, и доброту в уголках моих глаз не способен стереть никакой ужас. Рывком я подняла женщину на ноги, потащила ее к выходу, а потому убийца разглядел только мое новое тело, но не меня саму, и отвернулся.

Женщина, которой я была всего секунду назад, немного пришла в себя и всмотрелась в мое незнакомое лицо. Кто я такой? Почему решил помочь ей? Ответа она не находила. Ею владел только лишь страх. С воем испуганной волчицы она оттолкнула меня, оцарапав мне подбородок, и, вырвавшись из моих рук, побежала. Вверх, к квадрату света у начала лестницы – к полиции, к солнцу, к спасению. А позади нее был мужчина с пистолетом, с темно-русскими волосами и в пиджаке из синтетической ткани. Он не бежал, не стрелял, он только искал, искал кожу.

На ступенях растекалась кровь Жозефины. Кровь в ее горле издавала звук лопающейся сладкой жареной кукурузы, едва слышный посреди шума станции.

Мое тело тоже было готово броситься бежать, тонкие стенки изношенного сердца часто ударялись о ребра впалой груди. Жозефина встретилась со мной взглядом, но она не узнала меня.

Я повернула назад. Подошла к ней. Встала на колени рядом, сжала ее руку у раны, что находилась ближе к сердцу, и прошептала:

– Ты выживешь. С тобой все будет хорошо.

В туннеле показался приближавшийся поезд. Я удивилась, что никто пока не догадался остановить движение. Впрочем, первый выстрел прозвучал всего тридцать секунд назад, и

требовалось гораздо больше времени, чтобы все понять. Значительно больше, чем пережить эти полминуты.

– С тобой все будет хорошо, – солгала я Жозефине, шепча по-немецки прямо ей в ухо. – Я люблю тебя.

Вероятно, машинист прибывшего поезда не видел крови на ступенях, не разглядел матерей, прижимавших к себе детей, прятавшихся за серыми колоннами или ярко подсвеченными торговыми автоматами. Хотя он мог все заметить, но, уподобившись ежу, впервые увидевшему на дороге огромный цементовоз, настолько оцепенел, что оказался не способен на самостоятельное решение. В конце концов выучка взяла верх над непредвиденными обстоятельствами, и он начал торможение.

Слыша полицейские сирены наверху и видя поезд внизу, стрелок еще раз оглядел станцию, не нашел то, что искал, развернулся и побежал.

Двери поезда открылись, и он впрыгнул в вагон.

Жозефина Цебула умерла.

Я села в поезд вслед за убийцей.

За три с половиной месяца до своей смерти, когда пальцы незнакомого человека сжимали ее руку, Жозефина Цебула сказала:

– Это будет вам стоить пятьдесят евро в час.

Я сидела на краю гостиничной кровати, вспоминая, почему мне не нравился Франкфурт. Несколько красивых улиц были тщательно восстановлены после войны мэром, испытывавшим несокрушимую гордость за свой город, но время бежало чересчур быстро, город нуждался слишком во многом, а потому пришлось спешно возрождать четверть мили типичного немецкого китча, ознаменовавшего когда-то безвозвратно потерянную культуру, утраченный сказочный исторический архитектурный облик. Остальное тоже представляло собой монотонно скучные прямоугольные постройки в стиле 50-х годов, возведенные людьми, слишком занятыми другими заботами, чтобы придумать нечто более замысловатое и интересное.

И теперь серые железобетонные менеджеры компаний сидели среди серых железобетонных стен и обсуждали, скорее всего, тоже железобетон, поскольку о чем еще можно с энтузиазмом совещаться во Франкфурте? Они пили едва ли не самое плохое пиво, какое только можно найти во всей Германии, в самых скучных барах Западной Европы, ездили на автобусах, ходивших точно по расписанию, платили тройной тариф за поездку в такси до аэропорта, чувствовали себя вымотанными уже по прибытии сюда и радовались, улетаая домой.

И здесь же находилась Жозефина Цебула, сказавшая:

– Пятьдесят евро. Цена не обсуждается.

– Сколько тебе лет? – спросила я.

– Девятнадцать.

– Сколько тебе лет на самом деле?

– А сколько вам будет угодно?

Я рассмотрела ее платье, выглядевшее достаточно дорогим: тонкая ткань была местами намеренно надорвана, что являлось последним пискком моды. Застежка-молния располагалась сбоку, упираясь ей в ребра и обрисовывая выпуклость небольшого животика. Сапоги туго стягивали икры, причиняя очевидное неудобство, поскольку плоть под коленями буквально вываливалась из них округлыми кольцами. Каблуки тоже казались высоковатыми для ходьбы и мешали даже нормально сидеть. Мысленно я сняла с нее всю эту безвкусицу, заставила поднять подбородок чуть выше, смыла дешевую краску с ее волос и пришла к выводу, что, вообще говоря, она была красива.

– Откуда ты родом? – спросила я.

– А что?

– У тебя не чисто немецкий выговор. Полька?

– К чему столько вопросов?

– Ответь на них и получишь триста евро прямо сейчас.

– Сначала покажите деньги.

Я выложила деньги – одну за другой несколько новеньких бумажек достоинством в пятьдесят евро – на пол между нами.

– Мне достанется только сорок процентов.

– У тебя плохой сутенер. Это грабеж.

– А вы не из полиции?

– Нет.

– Священник?

– Ничего подобного.

Ей хотелось посмотреть на деньги, гадая, сколько еще осталось в моем кошельке, но она не сводила с меня глаз.

– Тогда кто же вы?

Я задумалась.

– Пожалуй, путешественник, – ответила я после паузы. – Хочу сменить обстановку. У тебя на руках пятна. Колешься?

– Нет. Кровь сдавала.

Это была ложь, причем такая, что не стоило даже вступать в дебаты по этому поводу, – откровенно слабое вранье и по задумке, и по исполнению.

– Могу я взглянуть?

Ее взгляд метнулся в сторону купюр на полу. Она протянула мне обе руки. Я рассмотрела синяк у сгиба локтя, прощупала кожу, такую тонкую, что даже удивилась, когда мое прикосновение не оставило следов, и убедилась в отсутствии признаков серьезной зависимости.

– Я чистая, – пробормотала она, снова не сводя глаз с меня. – Совершенно чистая.

Я отпустила ее руки. Она обхватила себя за плечи.

– Но только я не занимаюсь всякими глупостями.

– Какими глупостями?

– Типа – не сижу и не веду пустых разговоров о жизни. Вы здесь по делу, и я здесь по делу. Так давайте уже переходить к нему.

– Хорошо. Мне нужно твое тело.

Она пожала плечами: тоже мне новость!

– За три сотни могу остаться на всю ночь, но только должна предупредить охрану.

– Нет. Не на одну ночь.

– Так на сколько? Я не ввязываюсь в длительные отношения.

– На три месяца.

Жозефина делано рассмеялась; она явно забыла, как смеются по-настоящему.

– Вы рехнулись?

– На три месяца, – повторила я. – Десять тысяч евро по завершении нашего контракта, новый паспорт, новая личность и новая жизнь в любом городе по твоему выбору.

– А что вы хотите взамен?

– Я же сказала: твое тело.

Она отвернулась, чтобы я не заметила выражения страха на ее лице. Какое-то время она обдумывала ситуацию: деньги у ног, незнакомец, сидящий на краю ее постели. Потом произнесла:

– Расскажите подробнее. Мне нужно знать больше, прежде чем принять решение.

Я протянула к ней руку ладонью вверх:

– Возьмись за меня. Сейчас все покажу.

Это произошло три с половиной месяца назад.
Теперь Жозефина была мертва.

Станция «Таксим» ничем не примечательна, чтобы советовать посетить ее. По утрам сонные пассажиры толкаются, проезжая под Босфором в мокрых от духоты рубашках в переполненных поездах, связывающих Йеникой и Левент^[1]. Затем студенты в футболках с изображениями панк-рок-групп, в мини-юбках и ярких головных платках едут на метро в сторону холма Галата, к кофейням Бейоглу, к магазинам, торгующим айфонами, и на грязноватую улицу Сираселвилер, где никогда не закрываются двери и не гаснут огни витрин модных бутиков. По вечерам матери забирают детей из яслей, усаживая по два в одну прогулочную коляску, их мужья шагают с работы, помахивая портфелями, и, конечно же, кругом толпятся туристы, которым совершенно не приходит в голову, что это рабочий город. Их неизменно интересует фуникулер, в кабину которого они набиваются до отказа, а потом чуть не теряют сознание от запаха пота.

Таков ритм жизни оживленного мегаполиса, а потому присутствие в поезде убийцы с пистолетом, скрытым под черной бейсбольной курткой, чуть наклонившего голову, но державшегося уверенно и спокойно, не привлекает внимания, когда поезд метро покидает станцию «Таксим».

Я – добродушный старик в белой шапочке. У меня аккуратно подстриженная борода. Мои брюки лишь самую малость испачкались в крови, когда я привставала на колени рядом с женщиной, которая теперь была мертва. Никто бы не догадался, что всего шестьдесят секунд назад я бежала по станции «Таксим», спасая свою жизнь, – лишь вены слегка взбухли на шее и липко блестит лицо.

А всего в нескольких метрах от меня, то есть достаточно далеко, если считать количество разделявших нас тел, стоял мужчина с пистолетом под курткой, и ничто не указывало, что он только что хладнокровно расстрелял женщину. Бейсболка с натянутым на глаза козырьком говорила о том, что он болельщик «Гюнгоренспора» – местной футбольной команды, никогда не выигрывавшей и лишь неизменно подававшей надежды. Кожа у него светлая. Совсем недавно она была опалена жарким южным солнцем, но загар почти сошел. Между нами располагалось примерно тридцать других пассажиров, которых болтало из стороны в сторону на каждом повороте. Через несколько минут полиция перекроет движение на линии до Санайи. Через несколько минут кто-нибудь заметит кровь на моей одежде и красные следы, которые я оставляла, делая каждый шаг. Еще не поздно бежать. Я же наблюдаю за мужчиной в бейсболке.

Он тоже спасался бегством, но другим способом. Его целью было смешаться с толпой, и в самом деле – в глубоко надвинутой кепке, с ссутуленными плечами он выглядел обычным пассажиром, вовсе непохожим на убийцу.

Я двинулась по вагону, осторожно ступая, стараясь не задеть других людей, словно играла в твистер в чужой молчаливой компании, где все избегают встречаться взглядом друг с другом.

На станции «Османбей» вагон не только не опустел, но, наоборот, в него втиснулась

новая толпа пассажиров. Убийца смотрел в окно на темный туннель, одной рукой ухватившись за металлический поручень сверху, а вторую держа под курткой. Палец его, вполне вероятно, все еще лежал на курке. У него был сломан, а потом восстановлен нос, но случилось это уже давно. Имея высокий рост, он тем не менее не казался гигантом. Опущенная голова и поникшие плечи помогали добиться такого впечатления. Худой, но не тощий, солидный, но не массивный, напряженный, как тигр, хотя с виду ленивый, как домашняя кошка. Юноша с теннисной ракеткой под мышкой случайно толкнул его, и киллер вскинул голову, а рука под курткой сжалась. Но молодой человек уже смотрел в другую сторону.

Я протиснулась мимо женщины-врача, возвращавшейся домой с работы, больничный пропуск болтался у нее на груди, с фотографии смотрело хмурое лицо пессимистки, всегда готовой сообщить вам самое худшее. Мужчина в бейсболке стоял теперь всего в трех футах от меня. Плоский затылок, линия волос срезана точно над верхним позвонком.

Поезд начал торможение, и мужчина снова поднял голову, осматривая вагон. Его взгляд уперся в меня.

Вот он, момент. Сначала каменное ничто – просто встреча незнакомцев в поезде, лишенная какой-либо взаимной заинтересованности. Потом вежливая улыбка, потому что я все-таки был милым стариком и моя жизненная история была написана на моем лице. После этой улыбки он рассчитывал на мое исчезновение. Контакт состоялся, мгновение миновало и забылось. Наконец его взгляд поймал мои руки, которые уже поднимались к его голове, и его улыбка померкла, когда он заметил кровь Жозефины Цебулы, запекшуюся коричневыми полосами на моих пальцах. Он успел лишь открыть рот, начав доставать пистолет из переброшенной через плечо кобуры, но я уже протянула руку, мои пальцы сомкнулись у него на шее, и я совершила переход.

Секундное замешательство. Бородатый старик с окровавленными руками, стоявший передо мной, потерял равновесие, покачнулся, тяжело оперся на юношу с теннисной ракеткой, ухватился за поручень вагона, взгляделся в меня и, когда поезд остановился на станции «Сисли Месидийекой», с удивительной при таких обстоятельствах отвагой выпрямился, ткнул пальцем в мое лицо и выкрикнул:

– Убийца! Убийца!

Я снова вежливо улыбнулась, уже полностью затолкав пистолет в кобуру, и, как только двери у меня за спиной открылись, выскочила в толпу на станционной платформе.

Сисли Месидийекой – это район, принесенный в жертву богам глобального однообразия. От белых торговых галерей, где продавали дешевое виски и дивиди о жизни пророка Магомета, до многоэтажек для семей, у которых достаточно денег, чтобы считаться обеспеченными, но слишком мало для приобретения эксклюзивного жилья, Сисли был районом яркого света, бетона и монотонности. Одинаковая усредненная состоятельность, одинаковые амбиции, одинаковая коммерция, одинаковые галстуки и одинаковая плата за парковку.

Если бы меня попросили найти место, где бы можно было спрятать убийцу, я бы едва ли рекомендовала это. Но что поделаешь...

«Убийца! Убийца!» – голос из поезда продолжал звенеть у меня за спиной.

В окружавшей меня толпе сбитые с толку люди уже начали обращать внимание на шум и пытались понять, насколько серьезные последствия это могло иметь для каждого из них. На моих ногах оказалась пара удобной обуви. Я побежала.

Торговый центр «Севахир» – привлекательный, как известняк, романтичный, как герпес, – мог бы находиться в любой точке мира. Выложенный белой плиткой пол и стеклянные потолки, правильные геометрические формы балконов и этажей, покрытые фальшивым золотом колонны. Среди названий магазинов и кафе преобладали «Аидас» и «Селфриджес», «Мазеркэйр» и «Дебенхамс», «Старбакс» и «Макдоналдс». Единственная уступка местной культуре – кофе-бургеры и мороженое с яблоками и корицей в пластмассовых стаканчиках. Видеокамеры внутреннего наблюдения вдоль стен медленно поворачивались, отслеживая группы подозрительного вида подростков в мешковатых брюках, мамочек на высоких каблуках, толкавших перед собой прогулочные коляски, заполненные сумками с покупками (дети были заранее оставлены на попечение нянюшек), и посетителей косметических салонов. Во всем этом ощущалось столько же мусульманского, как в тушеных свиных ножках под сливочным соусом, хотя появлялись и матери семейств в традиционных черных хиджабах, держа детей затынутыми в перчатки руками. Они приехали сюда отведать халяльной пиццы в «Пицца-хат» или присмотреть новую насадку для душа.

Но где-то позади уже завывали полицейские сирены, а потому я натянула бейсболку поглубже, расправила плечи и снова нырнула в толпу.

Мое тело.

Его владелец, кем бы он ни был, считал, вероятно, естественным, когда кожа на лопатках туго натянута. Других ощущений он попросту не знал и не имел опыта для сравнения. Его ровесники, если бы их спросили, каковы ощущения в плечах, ответили бы наверняка одинаково: нормальные.

Вот и я чувствую себя нормально. Я остаюсь собой.

Появись у меня возможность поговорить с убийцей, в теле которого я находилась, пришлось бы информировать его об ошибке в самоощущении.

Я направилась в сторону туалетов и по привычке зашла сначала в женский. Первые несколько минут всегда самые трудные.

* * *

Я сидела за закрытой дверью кабинки мужского туалета и осматривала карманы убийцы. Обнаружилось четыре предмета. Выключенный мобильный телефон, пистолет в наплечной кобуре, пятьсот турецких лир и ключ от взятой напрокат машины. Больше ничего – ни даже обертки от шоколадного батончика.

Улик немного, но что можно сказать о молодом мужчине, который носит при себе пистолет, не имея даже обыкновенного бумажника? Главный вывод, приходивший в голову, сводился к следующему: он, скорее всего, наемный убийца. То есть это я – наемный убийца. Подосланный кем-то, несомненно, чтобы разделаться со мной. Но все же умерла не я, а Жозефина.

Я сидела и прикидывала способы, как убить это тело. Использовать яд оказалось бы в данном случае легче, чем нож. Обычная передозировка чего-то крайне токсичного, и еще до того, как накатил бы первый приступ боли, меня бы уже не было. Я превратилась бы в совершенно постороннего человека, наблюдающего за убийцей, дожидаясь его смерти.

Я включила мобильный телефон. Никаких номеров в списке контактов. Трубка казалась дешевой, купленной с мелкого лотка. Я уже хотела снова выключить телефон, когда пришло сообщение. Всего одно слово: *Цирцея*.

Я на секунду задумалась, но все же нажала на кнопку отключения, вынула из телефона батарейку и положила все это в карман.

Пятьсот лир и ключ от взятой напрокат машины. Я сжала его в кулаке, чувствуя, как он впился в кожу, наслаждаясь мыслью, что может даже пойти кровь. Сдернула с головы бейсболку, сняла куртку, затем показавшуюся под ней кобуру с пистолетом, сунула все это в кулек для ненужных мне больше вещей, свернутый из куртки, и бросила в корзину для мусора. Оставшись в белой футболке и джинсах, я вышла из туалета и направилась в ближайший магазин одежды, где улыбнулась охраннику на входе. Там я купила себе новую куртку, коричневую с двумя молниями спереди, из которых одна выполняла не совсем понятную функцию. Еще я присмотрела серый шарф и в тон к нему шерстяную шапочку. Оба новых приобретения почти скрывали лицо.

Трое полицейских стояли у высоких стеклянных дверей, которые вели прямо из

торгового центра на станцию метро.

Я – наемный убийца. Я – турист. Я – ничем не примечательная личность. Проходя мимо, я сделала вид, что даже не заметила их.

Метро закрыли. Обозленная толпа собралась вокруг затравленного чиновника. Это неслыханно, это безобразия! Вы хоть понимаете, что с нами делаете? Да, там мертвая женщина, но почему из-за этого должны рушиться все наши планы на сегодняшний день?

Я взяла такси. Севахир – одно из немногих мест в Стамбуле, где поймать машину легко. Таксисты любят этот район. Пассажиры здесь рассуждают примерно так: «Потратив такую уйму денег на покупки, не стоит скупиться на транспорт». А потому дают водителям щедрые чаевые.

Мой водитель, оглядев меня в зеркале заднего вида, когда машина влилась в общий поток, наверняка отметил, что ему повезло вдвойне. Попался не просто покупатель, а еще и иностранец. Он спросил, куда ехать, и его душа запела, когда он услышал, что мне нужно на Перу – холм, застроенный дорогими отелями, где можно рассчитывать на особо крупные чаевые от наивных туристов, зачарованных видом берегов Босфора.

– Турист, да? – спросил он на ломаном английском.

– Нет, путешественник, – ответила я на чистейшем турецком.

При звуках родного языка на его лице выразилось удивление:

– Американец?

– А вам-то какая разница?

Моя вялая реакция не убавила его энтузиазма.

– Я люблю американцев, – объяснил он, пока мы тащились по забитой транспортом улице. – Многие их ненавидят – крикливых, толстых, глупых, – а вот я их люблю. Они приносят много зла лишь потому, что их лидеры такие грешники. Но хорошо то, что они стараются оставаться добрыми людьми.

– Неужели?

– О да! Я встречал много американцев, и они всегда щедрые, действительно щедрые. Хотят с тобой дружить.

Шофер продолжал трепать языком. Такса – дополнительная лира за каждые четыре сотни приветливых слов. Я дала ему возможность говорить без помех, наблюдая за работой сухожилий своих новых пальцев, ощущая волоски на руках, покатуя длинную шею, под острым углом переходившую в челюсть. Мой кадык поднимался и опадал при каждом глотке. Непривычно и занятно после того, что ощущало мое прежнее горло. То есть горло Жозефины.

– Я знаю отличный ресторан здесь рядом, – сказал шофер, когда мы уже крутились по узким улочкам Перы. – Лучшая рыба. Скажите им, что я послал вас, скажите, что я считаю вас хорошим парнем, и вам дадут скидку. Без вопросов. Да, владелец мой двоюродный брат, но это не важно. Все равно здесь лучшая еда по эту сторону Рога.

Я дала ему на чай, когда он высадил меня недалеко от гостиницы. Не хотелось выделяться на общем фоне.

Во всем Стамбуле есть только два популярных названия, образованных от имен бывших правителей. В честь Сулеймана названы ресторан, отель и концертный зал. В честь Ататюрка – аэропорт, вокзал и торговый центр. А фото вышеупомянутого Ататюрка украшает

стену за каждой кассой в магазине и над каждым банкоматом в городе, и даже отель «Султан Сулейман», перед которым рядом с турецким флагом вывесили флаг Европейского сообщества, не стал исключением. Огромный каменный монстр во французском колониальном стиле, где коктейли стоили безумно дорого, простыни крахмалили до жесткости фанеры, а каждая ванна была размером с бассейн. Мне доводилось останавливаться здесь прежде. Под одной личиной или под другой.

А теперь в запертом сейфе номера 418 лежал паспорт занимавшей его Жозефины Кожел, гражданки Турции, владелицы пяти платьев, трех юбок, восьми блузок, четырех пижам, трех пар обуви, одной расчески, одной зубной щетки и десяти тысяч евро наличными, аккуратной пачкой лежавших в вакуумной упаковке. Повезет тому мастеру, которого вызовут, чтобы вскрыть этот сейф. Он получит нежданную награду, которая теперь уже никогда не станет гонораром для Жозефины Цебулы, покоящейся в безымянной могиле на местном кладбище.

Я не убивала Жозефину.

Ее убило это тело.

Изуродовать его в отместку будет легко. Полиция в отель пока не заявила. При Жозефине не было никаких документов, но рано или поздно они обнаружат, к какой двери подходит единственный имевшийся при ней ключ с тяжелым деревянным брелоком, упакут в полиэтиленовые мешки и чехлы все те красивые вещи, так подходившие к каждому изгибу моего, то есть ее тела, дорогие прощальные подарки, подготовленные к нашему с ней расставанию.

Но пока в моем распоряжении оставалось еще достаточно времени.

Я обдумала возможность вернуться в номер и забрать деньги – моих пятисот лир хватит ненадолго, – но здравый смысл противился такому решению. Где, например, мне оставить свое нынешнее тело, пока я одолжу другое, – у менеджера?

Я спустилась по железобетонной рампе на автостоянку, выглядевшую даже более скучной, чем интерьер «Старбакса» в Севахире. Достав из кармана ключ от машины, я шла по подземному этажу отеля, всматриваясь в наклейки на лобовых стеклах и в номера, разыскивая нужную мне машину, нажимая на кнопку «открыть» всякий раз, когда возникала надежда, что попался тот самый автомобиль. Мне могло и не повезти. Но мой убийца оказался достаточно ленив.

Он проследил за мной до отеля и воспользовался-таки его стоянкой. На третьем подземном этаже парковки мне приветливо мигнули желтые фары серебристо-серого «Ниссана», приглашая быть как дома.

Вот она – машина, взятая напрокат человеком, пытавшимся меня убить. Я открыла багажник ключом из его, то есть теперь моего кармана и осмотрела содержимое.

Две черные спортивные сумки – одна больше, другая поменьше. В меньшей лежали белая рубашка, пара черных брюк, дешевый пластиковый дождевик, чистые трусы, две пары серых носков и дорожный несессер. Под его легко снимаемой подкладкой обнаружили две тысячи евро, тысяча турецких лир, тысяча долларов США и четыре паспорта: немецкий, британский, канадский и турецкий. Фото, при всем различии имен и фамилий, было одно и то же – с него смотрело мое нынешнее лицо.

Вторая сумка, гораздо более объемистая, вмещала в себя арсенал убийцы. Тщательно уложенные в футляры ножи и другие разного рода боевые лезвия, моток веревки, лента для маскировки лица, жесткие хлопчатобумажные тампоны и бинты, две пары наручников, девятимиллиметровая «беретта» с тремя запасными обоймами и зеленая медицинская коробка с обширным набором химических препаратов – от ядовитых веществ до сильнодействующих успокоительных. Каково было предназначение черного комбинезона из лайкры, толстых резиновых перчаток и антирадиационного защитного шлема типа «хазмат», я понятия не имела.

При этом я чуть не упустила из виду плотно набитую папку для бумаг, засунутую во внутренний боковой карман: ее край застрял в застежке-молнии, выделяясь светло-коричневым цветом на черном фоне подкладки сумки. Я открыла папку, но почти сразу захлопнула ее. Содержимое требовало более внимательного изучения, чем я могла позволить себе в данный момент.

Я закрыла багажник, села в машину, передвинула сиденье поудобнее, отрегулировала весь набор зеркал, порылась в «бардачке», но не нашла там ничего интересного, кроме карты автодорог Северной Турции, и завела двигатель.

Я являю собой полную противоположность тому, что можно ожидать от человека моего возраста, – несколько не старомодна. Потому что живу в молодых, здоровых, красивых и полных энергии телах. Я захожу на их форумы в Интернете, танцую с их друзьями, слушаю их музыку, ношу их одежду и поедаю все, что нахожу у них в холодильниках.

Моя жизнь – это их жизнь. И если девушка с чистейшим лицом, в которой я поселилась, употребляла энергетические коктейли и средства от прыщей, то и я продолжала делать то же самое. В конце концов, она дольше и лучше знала особенности собственной кожи, ей было виднее, что носить, а что нет, и так далее. Надо идти в ногу со временем. Но ничто не могло подготовить меня к вождению машины в Турции.

Нет, турки не плохие водители. Наоборот, их можно считать первоклассными водителями, потому что только необычайная скорость реакции, умение разойтись со встречным автомобилем в считанных дюймах и непреодолимое желание выйти победителем в любой гонке помогает им оставаться в живых, мчась во весь опор по автомагистрали О-3 в сторону Эдирне. И не сказать, чтобы здешние водители не были знакомы с элементарной концепцией рядности движения, но, по всей видимости, как только большой город остается позади и дорога начинает петлять среди невысоких приморских холмов, сам по себе воздух свободы провоцирует в них какие-то животные инстинкты, педаль акселератора сама

вдавливается в пол, окна открываются настежь, чтобы впустить яростный поток встречного ветра, и в голове пульсирует только одна мысль: вперед, вперед, вперед! Как можно быстрее!

Я вожу машину намного сдержаннее. Но опять-таки не из-за возраста или закоснелости. А просто потому, что даже среди полного одиночества, на самой темной из дорог у меня в машине всегда присутствует незримый пассажир.

Самая ужасающая поездка на машине в моей жизни? Это случилось в 1958 году. Она представилась как Павлин, а потом прошептала мне на ухо:

– Не хочешь отправиться в какое-нибудь тихое местечко вдвоем?

Я сказала, что, конечно, хочу. Это было бы просто чудесно. Ровно через пять с половиной минут она сидела за рулем кабриолета «Линкольн Бейби» с опущенной крышей, и мы летели между холмами Сакраменто с воем и свистом ветра, обдувавшего нас с силой торнадо. Я вцепилась обеими руками в приборную панель и с ужасом смотрела, как с визгом покрышек мы вписываемся в виражи на самом краю разверзавшейся под нами пропасти. А она орала:

– Как же я люблю этот город, мать его!

И если бы во мне оставалась хотя бы капля какого-то другого чувства, кроме слепого страха, я бы, наверное, сумела бросить в ответ нечто остроумное.

– Как же я, мать их, люблю этих людей! – визжала она, выскочив на левую полосу, и шоферу «Шевроле», ехавшему нам в лоб, пришлось изо всех сил надавить и на тормоз, и на клаксон, чтобы мы успели проскочить в узкую щелку, устремившись к уже видневшимся впереди огням туннеля.

– Они такие милые, эти придурки! – кричала она, и заколки выпадали из ее курчавых светлых волос. – Они говорят: «Ты такая милашка!» И я таю. Отвечаю: «Вы тоже такие милые!» – «Но мы не можем дать тебе роль в нашем фильме, потому что, милашка, ты уж слишком милая». А я им тогда: «НУ И ПОШЛИ ВЫ ВСЕ К ЧЕРТУ!» – Она просто зашлась от удовольствия, прокричав последнюю фразу, и, когда желтое сияние вырубленного в скале туннеля поглотило нас, обдав волной тепла, еще сильнее нажала на педаль газа. – Пошли вы все! – продолжала визжать она, а мотор ревел, как голодный медведь. – Где у вас совесть? Где ваша честь? Мужики вы или бабы, мать вашу? Недоноски!

Впереди показалась пара фар, и я поняла, что мы снова едем по встречной полосе.

– Пошли вы все! – вопила она. – Пошли к дьяволу!

Фары ушли в сторону, но и она сместилась туда же, словно разгонялась для столкновения, как разъяренный рыцарь с копьем наперевес. Огни второй машины снова сдвинулись, освобождая нам путь, но она совершила такой же маневр, подавшись головой вперед, опустив взгляд, не собираясь уклоняться. И хотя мне очень нравилось тело, в котором я тогда находилась (мужчина, двадцать два года, отличные зубы), в мои намерения никак не входило в нем и погибнуть. А потому, поняв, что катастрофа неизбежна, я потянулась к ней, ухватила за голую руку у локтя и переключилась.

С жутким скрежетом металла о металл сработали тормоза, зазвенели пружины амортизаторов, зашипела пневматика. Задние колеса заклинило, машину бросило в занос и тащило, пока боковина с неизбежностью столкновения «Титаника» с айсбергом не ударилась о стену туннеля и, выпустив густой сноп желто-белых искр, наш автомобиль не остановился.

Меня швырнуло вперед, я врезалась лбом в жесткое рулевое колесо. И словно кто-то начал вязать узлы между всеми нейронами моего мозга, создавая неразборчивый шум там, где положено было возникать мыслям. Я подняла голову, заметила на руле пятна крови, прижала синюю перчатку к челюсти и ощутила во рту солоноватый вкус. Красивое молодое тело, в котором я только что находилась, зашевелилось на сиденье рядом со мной, открыло

глаза, затряслось подобно котенку, но постепенно начало что-то соображать.

Ошеломление превратилось в тревогу, тревога переросла в панику, а из паники есть только два выхода – гнев и испуг. Мое бывшее тело избрало второе и в ужасе запричитало:

– О боже! О боже! О боже, кто вы такая? Кто вы, мать вашу, такая? Где я? Как я здесь оказался? О боже милостивый! – Ну и все в таком роде.

Другая машина, которой предназначалось стать орудием нашей смерти, смяв нас в кровавую лепешку, остановилась в двадцати ярдах позади нас. Из нее начал выбираться мужчина с багровым, перекошенным от злости лицом. Кое-как стерев кровь с глаз, я заметила, что этот джентльмен, хотя и был одет в простую белую рубашку с черными брюками, держал в одной руке сверкавший сталью револьвер, а другой уже доставал из кармана жетон полицейского. Он тоже кричал, но из его рта вырывался лишь нечленораздельный рык, как у человека, разучившегося нормально говорить. Однако вскоре стали понятны отдельные слова, в очень грязном смысле поминавшие меня, мою матушку, а заодно и машину. Прозвучало имя комиссара полиции, который засадит меня за решетку, поскольку я – мразь и должна сидеть...

Убедившись, что мне нечего сказать в ответ, он махнул револьвером в мою сторону и рывкнул молодому человеку рядом со мной, чтобы тот кинул ему мою сумочку. Как и все, что теперь было связано со мной, она, отделанная зелеными и черными блестками, тоже отливала павлиньим синим цветом. Сумочка кувыркалась в воздухе, посверкивая, как только что сброшенная змеиная кожа. Мужчина с кривой усмешкой неловко поймал ее, открыл, заглянул внутрь и тут же выронил с невольной вырвавшимся возгласом.

Больше никто не кричал. Только потрескивал остывавший в духоте туннеля перегретый двигатель машины. Я наклонилась вперед, чтобы посмотреть, какая часть содержимого сумочки могла вызвать столь приятную сейчас передышку от разрывавшего голову на части крика.

Вещи из моей сумочки рассыпались по асфальту. Согласно водительскому удостоверению, меня в самом деле звали Павлиной – проклятье, наложенное, должно быть, родителями с идиотским пристрастием к орнитологии. Тюбик губной помады, гигиенические салфетки, набор ключей на кольце, кошелек. Небольшой полиэтиленовый пакетик с неизвестного назначения желтым порошком. Человеческий палец, все еще розовый и окровавленный, с рваными краями там, где его отпилили от чьей-то руки, завернутый в белый носовой платок.

Я подняла взгляд и увидела, что мужчина с револьвером вытаращил на меня полные неподдельного страха глаза.

– Проклятье! – скрипучим голосом сказала я, сдергивая с рук одну за другой потемневшие от крови шелковые перчатки и вытягивая вперед кисти, чтобы на них надели наручники. – Думаю, вам лучше немедленно меня арестовать.

Проблема с внезапным перемещением в новое тело состоит в том, что никогда не знаешь, в каких переделках это тело успело побывать.

Когда горячие лучи заката окрасили покрытие дороги передо мной в розово-красные тона, я посчитала, что нахожусь где-то на полпути к Эдрине. Стоило ненадолго закрыть окно, как стойкие запахи взятой напрокат машины – ароматы освежителя воздуха и средства для чистки салона – снова ударили в нос. По радио передавали документальную передачу об экономических последствиях «Арабской весны»^[2], затем из динамиков полились песни о потерянной и обретенной любви, о сердцах, разбитых или соединившихся вновь. У встречных машин, двигавшихся с запада, были включены фары, и еще до того, как солнце скрылось за горизонтом, все вокруг поглотили черные облака.

Когда начали меркнуть последние краски дня, я остановилась у заправочной станции, расположенной на залитой галогеновым светом площадке, помимо бензина, в заведении был пункт быстрого питания, игровые автоматы и прочие развлечения. Я заказала кофе, турецкую лепешку пиде и шоколадный батончик, в котором насчитала ровно три изюминки, села у окна и стала смотреть в него. Мне не нравилось собственное лицо, которое я видела в отражении. Оно казалось лицом человека, не чувствующего угрызений совести.

Автоматостраль О-3 всегда загружена, и хотя первым пунктом в западном направлении на указателях значился Эдрине, следуя по ней дальше, можно было попасть и в Белград, и в Будапешт, и в Вену. Это шоссе было полно скупающих водителей-дальнобойщиков, для которых великолепный мост, соединяющий Азию с Европой высоко над проливом, являл собой всего лишь досадное сужение дороги, а при взгляде на Айя-Софию на берегу бухты Золотой Рог в голову приходила одна мысль: «Еще десять часов, и я дома...»

В магазин при заправке ворвалась семья – шесть человек из пятиместного автомобиля. Они напоминали заключенных, которых ненадолго выпустили из камер. Родители и достойная сострадания бабушка, настоявшая, чтобы ее взяли с собой, громко ссорились, в то время как дети охали, открыв для себя, что в их жизни не хватало именно такого водяного пистолета и восхитительного бинокля с двукратным увеличением.

Мне нужно было избавиться от своей машины, и чем скорее, тем лучше.

Интересно, подумала я, когда человек, чье лицо я видела отраженным в стекле, принял это решение? Возможно, примерно в тот момент, когда предпочел не принимать медленно действовавший, но смертоносный яд.

Или же в то мгновение, когда на молчавший до того телефон пришло сообщение: «Цирцея».

Но, как только я поняла это, я уже оказалась не одна. Подошедший мужчина спросил, который час. Я не знала. Направлялся ли я в Эдрине? Нет, не направлялся. Все ли со мной в порядке? Я выгляжу... словно сам не свой. Со мной все было прекрасно. Просто я обдумывал глубоко личную проблему.

Никто не станет мешать, если ему скажут, что обдумывают нечто личное. Он оставил меня в покое.

На полутемной стоянке громко ссорилась влюбленная пара: их столь прекрасному прежде роману нанесла глубокую травму необходимость в темноте рассмотреть карту. Я снова села за руль, включила радио погромче, опустила все стекла, чтобы впустить побольше прохладного воздуха, и поехала на север в сторону Эдрине.

Эдрине мне всегда нравился. Когда-то любимое место отдыха султанов и высшей знати, в последнее время оно пришло в полнейшее запустение, но выглядело как обедневший старик, умевший не стыдиться своей дырявой одежды, а носить ее с достоинством. Зимой наледь покрывала серой коркой поля по обе стороны от прямого и широкого, в четыре полосы, шоссе. Зато летом юноши и мужчины собирались здесь на ежегодные соревнования по борьбе. Сверкали натертые специальным маслом торсы и даже ягодицы, руки в прочном захвате смыкались вокруг выгнувших спин соперников, когда они падали и начинали кататься по песку. У меня никогда не возникало соблазна принять в этом участие, даже если я находилась в мощном теле атлета. Разумеется, городок не мог похвастаться таким же обилием туристических приманок, как Стамбул, если не считать мечети с серебряным куполом, построенной еще одним Селим-султаном, которому так нравился мрамор, и приятного на вид старинного здания больницы, основанной Баязидом, любившим не только побеждать, но и исцелять. Во всем здесь ощущалось единство цели и планировки для ее достижения, и это напоминало приезжему, что Эдрине не нуждался в пышности, чтобы оставаться великим.

Я припарковала машину у фонтана, украшенного гигантскими металлическими подсолнухами. Достала из багажника сумку, вложила сто лир в один из паспортов и сунула в боковой карман, нацепила браслет от наручников на правое запястье, убрала ключ от них во внутренний карман куртки, опустила рукав как можно ниже, чтобы скрыть стальной блеск, повесила сумки на плечи и пошла вдоль тихой вечерней улицы.

Современные натриевые лампы светили со стен, на которых когда-то горели факелы. Кое-где даже еще виднелись ржавые железные крюки. Жилой комплекс «Магнолия» окружали нарядно украшенные резьбой особняки XIX века, ныне тоже разбитые на квартиры для больших семей – за балконными дверями мерцали серо-синие отсветы телевизионных экранов. Кошка зашипела на меня, прячась где-то за вывешенным для просушки бельем. Мчавшийся на большой скорости автобус гудком клаксона предупредил о своем приближении чересчур расслабленного мотоциклиста. Владелец ресторана прощался со своими дорогими гостями, которые неспешно направились через затемненный город по домам.

Я шла в сторону подсвеченной белым прожектором мечети Селима, поскольку именно там, где стоят монументы, увековечившие расточительность правителей, следует в первую очередь искать отели.

Клерк службы размещения дремал перед телевизором, по которому шел полный драматизма старый сериал о двух неотличимых друг от друга братьях-близнецах – их играл один актер. В финальной сцене они стояли рядом на вершине холма и пожимали друг другу руки. Причем в левой части экрана погода была пасмурная, даже предгрозовая, а в правой – прохладная, но ясная. В том месте, где руки соприкасались, отчетливо виднелась вертикальная линия, разделявшая и небо, и землю. Побежали титры, и клерк заерзал в кресле. Я положила на стойку канадский паспорт и спросила:

– Есть номер для меня?

Клерк прочитал имя и фамилию в паспорте очень тщательно, стараясь правильно произнести каждый слог.

– Натан Койл?

– Да, это я.

Канадцев все любят.

Отель был трехэтажным. Прежде деревянное здание позже перестроили, частично используя кирпич. Всего в нем насчитывалось двенадцать номеров, девять из которых пустовали. В коридорах стояла полная тишина.

Девушка с глазами навывкате, с прямыми черными волосами, спускавшимися ниже поясицы, и с чуть выпяченным подбородком проводила меня до номера. Почти все его пространство с покатым потолком занимала двуспальная кровать. За открытым окном располагался балкончик в два дюйма шириной. Под деревянной консолью для маленького телевизора протянулся радиатор отопления. В ванной, до всех четырех стен которой я смогла бы дотронуться, встав посередине, несмотря на использование лимонного освежителя, неприятно пахло мочой. Девушка задержалась в дверях и спросила на скверном английском:

– Все карошо?

– Просто отлично, – ответила я. – Только покажите, как пользоваться этим. – Я указала на пульт дистанционного управления от телевизора.

Ее глаза, казалось, от удивления выпучились еще больше.

Я же улыбнулась ей белозубой улыбкой тупого североамериканца. Она потянулась, чтобы взять пульт, и в этот момент я приковала второй браслет своих наручников к радиатору у стены. Звук заставил девушку поднять взгляд, а я прижала свою левую руку к ее руке, обхватив пальцами пульт и нажав кнопку включения телевизора.

Мои пальцы дернулись. Экран телевизора ожил. Ведущий выпуска новостей смеялся над пропущенной мною шуткой, уже улетевшей по волнам эфира. У него за спиной появилась карта прогноза погоды. И, словно пытаясь убедить зрителей, что нет ничего смешнее, чем обсуждение погоды, ведущий снова рассмеялся, хотя видел на заставке лишь серое небо и полосы дождя.

Передо мной же теперь был мужчина, который, если верить паспортам, на одну четверть являлся гражданином Канады и притом совершенно безобидным. Он пошатнулся. Одно его колено подломилось. Он попытался выпрямиться во весь рост, но наручники звякнули о радиатор и лишь натянулись, сверкнув металлом, но удержали его на месте.

Я наблюдала за ним. Его частое дыхание сбитого с толку и застигнутого врасплох человека, постепенно стало замедляться. Ноздри раздувались, и я насчитала два или три глубоких вдоха. Закончив это упражнение, он вновь обрел контроль над собой: тело его напряглось, голова дернулась вверх, дыхание нормализовалось.

– Привет, – сказала я.

Он поджал губы и уставился на меня. Причем, как мне показалось, он увидел не ту, в кого я превратилась в отеле, а меня, такую, какой я была когда-то в реальности, и мне самой стало трудно дышать.

Он смотрел, не говоря ни слова, присев на корточки, и его правая рука, сейчас невидимая за спиной, с усилием натянула цепочку наручников. Я встала за пределами досягаемости и произнесла:

– Ты примешь яд.

Молчание.

– У меня осталось два вопроса. Первый: на кого ты работаешь и будут ли они продолжать появляться? Я исхожу из того, что будут. Такие люди, как ты, всегда упорны. Второй: зачем ты убил Жозефину Цебулу?

Он смотрел на меня, как побитый кот, и ничего не говорил.

Мое новое тело слишком долго провело на ногах, во рту ощущался сильный привкус выкуренных сигарет, тяжесть целого дня работы давила на позвоночник. На мне был неудобный бюстгальтер, слишком сильно стянутый сзади, а в только что сделанный пирсинг на левом ухе попала инфекция, от которой оно воспаленно пульсировало.

– Ты примешь яд, – повторила я, не глядя на него. – Но мне нужны ответы. – Он по-прежнему молчал. – Что ж, это все осложнит для нас обоих. Левый внутренний карман.

У него чуть заметно приподнялись брови. Его свободная рука инстинктивно потянулась к левому карману и замерла в нерешительности, но, прежде чем он успел что-то обдумать, я дотянулась до него и ухватила за пальцы. Переход состоялся.

Девушка в тесном бюстгальтере пошатнулась. Я сунула руку в карман куртки, вытащила из него маленький ключ, открыла наручники и, когда она начала валиться вперед, успела встать и подхватить ее на руки.

– Вы здоровы, мисс? Кажется, вы потеряли сознание. – Невероятно, с какой охотой человеческое сознание воспринимает все, что его не пугает. – Наверное, вам лучше присесть.

Мой первый переход.

Мне тогда было тридцать три года.

Ему, возможно, еще не перевалило за тридцать, но его тело казалось гораздо старше. Когда он чесал голову, с нее густо сыпалась перхоть – целое облако сухих частичек кожи, которые еще и забивались под длинные, потрескавшиеся, пожелтевшие ногти. Его грязные волосы уже местами поседели, а борода неровно кустилась на рассеченном старым шрамом подбородке. И когда он забил меня до смерти, он сделал это лишь для того, чтобы раздобыть денег для своего брюха, а его брюхо было совершенно пусто, что я и обнаружила после переключения.

Я не хотела прикасаться к нему, поскольку он только что убил меня. Но я не желала и умирать одна, а потому, когда мое зрение окрасилось в цвета красного вина в бокале, протянула руку, ухватилась за его плечо и, пока он срывал с моего пояса сумку-кошелек, переселилась в его тело как раз вовремя, чтобы увидеть собственную смерть.

Бодрствую в номере отеля. Три часа ночи.

Свет все еще горит.

По телевизору уже ничего не показывают.

Это тело нуждается в сне.

Мне нужно поспать.

Но сон не приходит.

Сознание не перестает работать, мысли крутятся в голове беспрерывно.

В 9.40 утра женщина, которую звали Жозефина Цебула, покинула отель в Стамбуле и направилась к набережной. Три дня назад она приобрела двух новых друзей. Они сказали: пожалуйста, присоединяйся к нам, и мы научим тебя ловить рыбу с моста Галата.

«Я слишком хороша собой и нарядно одета, чтобы рыбачить» – такая мысль посетила ту, что поселилась в теле Жозефины Цебулы. Вы уверены, что мне не следует найти более подходящие для подобного занятия вещи?

«Рыбалка – это замечательно, – произнесли мои свежие алые губы. – Всегда хотела научиться ловить рыбу».

Но к полудню я кое-кого заметила краем глаза, а в 12.20 уже бежала со всех ног к толпе на станции «Таксим», ища легкого пути исчезнуть, радуясь, что на мне туфли на плоской подошве, причем мои пальцы то и дело касались кожи разных людей в поисках выхода. Когда же я натолкнулась на женщину с опухшими лодыжками и запахом кокоса изо рта, убийца у меня за спиной выстрелил. Я почувствовала, как пуля пронзила мою ногу, как кусок плоти вырвался наружу, как полопались кровеносные сосуды, увидела собственную кровь, разбрызганную по бетонному полу передо мной. И, зажмурив глаза от боли, открыв рот, чтобы закричать, ухватила пальцами за руку незнакомки. Так мне удалось сбежать, оставив раненую Жозефину.

А потом по необъяснимым причинам он ее убил. Она упала, я исчезла, но он всадил две пули ей в грудь, и она умерла, хотя ему нужна была я. Зачем ему это понадобилось?

В три часа утра я сидела в номере отеля. У меня болела левая нога, хотя на ней не было ни царапины и никакой причины для боли не существовало.

Папка для бумаг из смертоносной дорожной сумки Натана Койла. Я лишь мельком заглянула в нее, когда угоняла машину, а сейчас, пока ночь медленно тянулась к рассвету, разложила ее содержимое на постели и рассмотрела внимательнее. Перед мной предстали лица, которые я имела на протяжении жизни.

На обложке одного из досье была написана только фамилия: Кеплер. Что ж, как мне показалось, нормальная фамилия. Не хуже и не лучше других.

Из отеля в Эдрине я выехала в семь утра. Позавтракала в кафе за углом, где подавали теплые круассаны, вишневым джем и лучший кофе, какой я вливала в это тело. С сумками на плечах, натянув шапочку пониже, я отправилась на поиски автобуса до Капикуле^[3], чтобы покинуть эту страну. Находясь в теле наемного убийцы, я не видела смысла здесь задерживаться.

Это было необычное ощущение. Ни в чем не повинная, я тем не менее находилась в теле, на которое, вероятно, велась охота.

Эта мысль заставила меня улыбнуться, и так, с улыбкой на губах, я и подошла к билетной кассе автовокзала.

За время краткой поездки в Капикуле я насчитала в салоне одиннадцать пассажиров – вполне достаточно, если учесть, что транспортное средство было всего лишь микроавтобусом с бумажным объявлением, прилепленным к лобовому стеклу: КАПИКУЛЕ. ПРИНИМАЕМ ЛЕВЫ И ЛИРЫ. ПРОСЬБА ПЛАТИТЬ БЕЗ СДАЧИ.

Пожилой мужчина и его совсем старая мать, занимавшие сдвоенное сиденье у меня за спиной, непрерывно препирались.

– Но я не хочу, – заявила она.

– Мама... – сказал он.

– Я не хочу, и точка! – повторила старуха.

– Но тебе придется, мама, – возразил мужчина. – Тебе придется. Мы уже все обсудили, и от этого зависит не только твое будущее, но и мое. А потому мы поедем туда. Другого выхода нет, и точка.

Она стояла на своем почти со слезами в голосе:

– Но я не хочу!

Их спор продолжался в том же духе до самой станции, а скорее всего, и потом тоже.

Капикуле был дыра дырой, на самом краю света. Еще недавно я бы постаралась избежать этого местечка, сев на поезд уже в Эдрине. Но времена сейчас настали трудные. Поезда то и дело отменяли из-за нехватки пассажиров, а последних из-за роста безработицы становилось все меньше и меньше.

Двухэтажное здание вокзала, не обладавшее ни малейшими архитектурными достоинствами, изнутри заливало сияние ламп дневного света. В какой-нибудь другой стране его могли бы попытаться превратить в торговый центр, заполненный обреченными на разорение магазинчиками, или же купили бы спекулянты недвижимостью, в надежде затем продать крупной торговой сети типа «Мегамарт». Но здесь не происходило ничего подобного.

Когда я подошла к окошку, кассир сидел, упершись подбородком в ладонь. Козырек его фуражки был глубоко надвинут на лицо, но, увидев на стальной стойке перед собой деньги, он вскинул голову, и я с любопытством подметила, что встретила, должно быть, последнего мужчину в мире, считавшего усики в стиле Гитлера – Чаплина наилучшим украшением на лице.

Я подвинула ближе к нему наличные и свой турецкий паспорт. Он посмотрел на них, как врач смотрит на ампутированную ногу, дожидаясь, не станет ли она снова частью тела.

– Куда? – спросил он.

– В Белград, – ответила я.

Кассир с глубоким вздохом взял деньги, не обратив никакого внимания на паспорт, и этот вздох означал, что он, грубо говоря, понимает свое подчиненное положение. Вы требуете от него чего-то, и он вынужден выполнять требование, хотя, черт побери, более добрый человек отошел бы в сторону, не досаждая ему требованием продать эти треклятые билеты.

– Поезд уходит только вечером, – проворчал он, небрежно подталкивая паспорт с билетом в мою сторону. – Вам придется торчать здесь довольно долго.

– А есть в Капикуле на что посмотреть?

Его взгляд мог бы привести в ужас даже кобру. Я же улыбнулась ему самой обаятельной улыбкой, на какую оказалась способна, вложила билет в паспорт и сказала:

– Ничего. Я где-нибудь прилягу поспать.

– Только не вздумайте спать здесь, – пролаял он. – Инструкцией запрещено лежать на скамьях. Они – собственность вокзала.

– Разумеется. Было бы глупо даже подумать иначе.

Мне не хотелось дожидаться поезда в многолюдном месте. К этому времени полиция уже могла снять отпечатки моих новых пальцев, подобрать волоски, упавшие с головы, или найти еще что-то, о чем я даже не подозревала, чтобы начать поиск. Возможно, они – эти всегда неизвестные, но опасные «они» – даже отсмотрели записи со всех многочисленных камер наблюдения от момента падения Жозефины Цебулы на ступенях станции метро «Таксим» и до самого моего появления на подземной парковке отеля, где убийца оставил взятую напрокат машину. И если эти люди хоть что-то соображали в своем деле, они уже объявили в розыск автомобиль, стоявший сейчас в тени кипарисов напротив фонтана, из чаши которого росли металлические подсолнухи.

А быть может, и нет. Полиция вполне могла зайти в тупик. Кто я такая, чтобы разбираться в подобном?

Я нашла убежище в крохотной часовне из розового камня на речном берегу. Я все еще находилась в Турции, но аккуратные, хоть и пыльные, поля за рекой, со снятым урожаем и вспаханные под новые посевы, принадлежали уже Греции. Я могла оказаться там за минуту. И даже обдумала такой вариант – быстро вскрыть ножом вены на запястьях, после чего удалиться отсюда в теле греческого крестьянина с запахом чеснока изо рта и набившимся в грубые башмаки песком.

Пока я сидела на каменной скамье в самом последнем ряду, ко мне подошел священник с огромной черной бородой. Он обратился ко мне сначала по-гречески, но я никогда не владела этим языком в достаточной степени. Услышав мой акцент, священник удивленно приподнял брови, но перешел на турецкий:

– Эта церковь была заложена самим Константином Первым. Он путешествовал по своей империи и остановился здесь, чтобы испить воды из реки. В ту же ночь во сне ему явилась Пресвятая Дева Мария, омыла ему ноги и руки, а потом смочила губы водой из этого речного потока. Проснувшись, он был так потрясен ночным видением, что приказал построить на этом месте монастырь. И монастырь стал процветать: паломники сходились сюда отовсюду, чтобы тоже омыть ноги и увидеть во сне Богоматерь. Затем явились воины Оттоманской

империи и разрушили все, кроме этой часовенки, в которой вы сейчас находитесь. И однажды во время охоты здесь случайно оказался султан Селим Угрюмый. Он прилег вздремнуть на берегу реки, и ему, представьте, приснился такой же сон, что и когда-то Константину. Пробудившись, он омыл руки и ноги, объявил реку священной и приказал считать преступником всякого, кто посмеет нанести ущерб этим древним стенам. Именно он оставил вот это, – святой отец провел рукой вдоль стены, указывая на сильно истершуюся надпись золотой краской, протянувшуюся на три фута вблизи от алтаря. – Рескрипт султана, принятый его властью, который гласит, что любого, покусившегося на эту часовню, мы имеем право привести сюда и показать ему строгий наказ правителя его страны. Так султан спас часовню, вот только паломники больше не приходят.

Я медленно кивала в такт его словам, всем своим видом показывая, что поражена этой историей, мои глаза всматривались то в подпись султана, то в грустную улыбку изображенной выше Девы Марии. Потом я спросила, нельзя ли мне спуститься к реке и проверить, не смоят ли ее воды моих прегрешений.

Глаза попа округлились от ужаса.

– Ни в коем случае! – взволнованно воскликнул он. – Нельзя осквернять грехами священную реку!

Тело Натана Койла.

Побыв в нем некоторое время, я поняла, что он относился к несхожему со мной типу людей. Мышцы рук и спины слишком накачаны в спортзале, гипертрофированно развиты путем бессмысленного поднятия тяжестей, когда наращивание мускулатуры становится самоцелью. Годы занятий бегом укрепили сердечно-сосудистую систему, хотя левое колено слегка ныло от долгой неподвижности, и боль исчезала, если только полностью вытянуть ногу. У меня оказалась дальновзоркость – я обладала отличным дистанционным зрением, зато, чтобы разглядеть близко расположенные вещи, мне приходилось шуриться. При этом в сумке я не нашла ни контактных линз, ни очков. Быть может, он только собирался обратиться к окулисту? Или, пока ему не приходилось защищать себя, он попросту считал это нормой?

* * *

Папка с надписью «Кеплер» лежала у меня на коленях. Скамья на платформе станции Капикуле была металлической – холодной и жесткой. Дул восточный ветер, в воздухе ощущался надвигавшийся дождь, белградский поезд опаздывал уже на двадцать минут.

Сам по себе Белград не представлял для меня никакого интереса. Мне важно было только покинуть Турцию, не попасть в руки местной полиции, которая теперь знала меня в лицо. Но у Койла был паспорт гражданина Северной Америки, как и Северной Европы, и еще текст на оставшемся у меня телефоне: «Цирцея». В сумке оказался целый набор приспособлений для убийств. Очень просто было бы покончить с этим телом, продолжив двигаться дальше, но я не могла забыть ощущение, когда пуля навывлет ранила меня в ногу: хотя я и спаслась, а погибла Жозефина, убить-то он все же собирался меня.

Документы в папке, лежавшей у меня на коленях, были сложены в хронологическом порядке, как и фотографии. Во вступлении говорилось, что не имелось никакой иной информации о Кеплере, кроме этих тоненьких страничек, где рассказывалось о похищенных жителях и потерянном времени, – ни примечаний, ни приложений, ни подписи, чтобы определить авторство этих заметок.

Я листала записи, перебирала жесткие глянцевые снимки, вглядывалась в имена и лица, которые едва помнила, пока не дошла до самого последнего фото. Моего фото. То есть фото Жозефины Цебулы.

Копия польского паспорта, добытая у сутенера из Франкфурта. Ее лицо, лишенное косметики и всякой жизни в глазах, казалось заурядным и скучным, но все же именно это лицо смотрело на меня из зеркала по утрам.

Еще снимок, сделанный где-то на углу улицы, – фотограф щелкнул на ходу, и потому она вышла вполоборота к камере, хотя все равно момент был пойман, запечатлен, приобщен к делу. Документ из полиции, когда ее впервые арестовали, отпустив через девять часов. На ней был короткий кожаный жакет, из-под которого виднелся пупок, юбка, едва прикрывавшая задницу, а под правым глазом красовался синяк – ее сняли для полицейской картотеки.

Вот посадочный талон от моего билета из Франкфурта в Киев: от нечего делать я решила побывать в Крыму. Я летела бизнес-классом, переодевшись в новую яркую одежду, и, когда

стюардесса налила мне виски, почувствовала непривычно томительное желание, не сразу поняв, что Жозефина была страстной курильщицей, а я забыла утолить эту страсть. Приземлившись в Киеве и изрыгая бесконечные проклятия, я купила целую коробку никотинового пластыря, дав клятву вернуть Жозефине ее тело здоровым хотя бы физически, если не духовно.

Еще одно мое фото. Я выхожу из отеля на Пере. Солнце бьет мне в лицо, а в руке я держу телефон. Молодая, богатая, красивая, и если эти качества открывают много возможностей, то одно из них – легко и быстро приобретать новых друзей. Я помню это утро, это солнце, это платье. Оставалось три дня до того, как я упаду на ступени станции метро «Таксим», застреленная незнакомцем. Целых три дня они изучали мой образ жизни, «пасли» меня, прежде чем подготовить убийство.

Мои ногти впились в ладонь, и я вонзила их еще глубже. Небольшое кровопускание могло оказаться для меня сейчас только полезным.

Я просмотрела жизнеописание Жозефины. Склонная к насилию мамаша, клявшаяся, что любит дочь, и плакавшая у нее на плече всякий раз, когда ее выпускали из тюрьмы. Молодой возлюбленный, который не возражал, чтобы она спала с его приятелями: ему ведь нужны деньги, чтобы покупать ей дорогие подарки. Затем перелет во Франкфурт, бегство с тридцатью двумя евро в кармане. Причем автор не сомневался, что она собиралась начать новую, честную и хорошую жизнь, вот только Жозефина оказалась не способна ничего изменить в своей ситуации, пока некто по фамилии Кеплер не появился и не предложил ей плату за убийства.

Я замерла.

Следовал список мертвецов. Доктор Торстен Ульк – утоплен в собственной ванной. Магда Мюллер – зарезана неизвестным в кухне своего дома, пока ее дочери спали наверху. Джеймс Риктер и Элсбет Хорн найдены в объятиях друг друга с вырванными глазами и внутренностями, выпущенными на пол каюты небольшой яхты, в которой они плавали по Рейну. И хотя полиция не сумела связать эти преступления между собой, сетовал автор, они сами это сделали, поскольку все жертвы принадлежали к их кругу и погибли от руки Жозефины по приказу Кеплера.

Я заново перечитала, не уверенная, что все поняла правильно.

Но и во второй раз смысл оставался таким же, причем насквозь лживым.

Поезд на Белград с металлическим визгом, высекая тормозными колодками из колес белые искры, остановился на станции Капикуле. В некоторых окнах за шторками купе еще горел свет. Кое-где в вагонах открылись двери – толстые оранжевые панели откинулись, опустились железные ступеньки. Когда-то поезд был окрашен в оранжевые и голубые тона. В прошлом это был лучший экспресс болгарских железных дорог. Но яркие цвета давно потускнели, скрытые за толстыми слоями краски из баллончиков, – гордость железнодорожников пала перед напором сорванцов, избравших поезд своей целью в любой стране мира. Я чувствовала запах мочи, доносившийся из туалета при входе в вагон, слышала звуки, уличающие кого-то в нарушении важнейшего закона – не нажимать на смыв во время стоянки поезда, и пошла искать свое купе.

Оно было рассчитано на шесть человек, и, конечно же, четыре наиболее удобных спальных места оказались заняты. Муж, жена и сын-подросток располагались на трех постелях. Поверх четвертой на спине возлежал старик. Он жевал нечто растительного

происхождения, совершая округлые, как у верблюда, движения нижней челюсти, и читал в журнале статьи о старых автомобилях и поездках по странам Востока. Семья устроила импровизированный ужин, передавая друг другу еду вверх и вниз по трем ярусам оккупированных полок. Сваренные вкрутую яйца, ломтики ветчины, куски козьего сыра, крошащийся белый хлеб, который уже покрыл пол золотистым конфетти. И каждый раз, когда нож в очередной раз врезался в буханку, старик с автомобильным журналом болезненно морщился, словно лезвие вонзалось ему под ребра.

Я вскарабкалась на самую верхнюю полку как раз в тот момент, когда поезд снова тронулся, положила сумку с одеждой под голову, сумку с оружием – под ноги и вытянулась, чтобы предаться размышлениям. Металлическая полка, пластиковый потолок, а между ними – пространство, недостаточное даже для нормальной могилы.

Проверить паспорта никто так и не явился.

Существует множество способов выявить призрак, засевший в человеке, с которым вы особенно сблизились. На простой набор вопросов – фамилия, возраст, имена отца с матерью – сможет ответить любой, но требуется всего несколько минут, чтобы копнуть немного глубже. Где ты жил, когда покинул родительский дом? Как звали твою классную руководительницу в начальной школе? Расскажи о первой девочке, которую ты поцеловал. И мой любимый вопрос: ты умеешь играть на скрипке?

И редкое, но особо острое удовольствие, когда собеседник, довольный тем, что может похвалиться своими навыками, начинает на пальцах изображать любимый скрипичный пассаж, а ты на последней ноте заявляешь, что вообще-то истинный владелец этого тела никогда не держал в руках скрипки.

...Когда я сама совершила свой первый переход в новое тело, я не сумела ответить на заданный мне сразу вопрос. Я была убийцей с урчащим от голода желудком, а констебль, придавивший меня к полу в сторожевой башне, хотел знать мое имя и фамилию. Я назвала ему их.

– Не *эту* фамилию, – прорычал он. – Не фамилию несчастной, которую ты убил. Мне нужно знать, как зовут *тебя*.

Я до смерти забила незнакомую мне женщину, и этой женщиной прежде была я. Теперь же я превратилась в убийцу, которого схватили на месте преступления.

– Как тебя зовут?

Я была покрытым перхотью молодым человеком, на шею мне давила дубинка полисмена, а его колено уперлось мне в спину. Два ребра были сломаны, а глаз так опух, что зрение едва ли когда-либо восстановилось бы полностью. Но, как и тем людям, которые измолотили меня потом, мне самой очень хотелось бы знать ответ на этот насущный вопрос.

Как тебя зовут, подонок? Убийца, кровожадное чудовище, лжец, вор. Как же тебя зовут?

Когда меня заперли в Ньюгейтской тюрьме, предназначенной для представителей самой гущи народных масс, где в каждой душной камере содержалось по пятьдесят человек (точнее – сорок семь и три свежих трупа к утру), я смеялась истерическим смехом, словно мой рассудок помутился и забыл, что мне положено было заливать горячими слезами. Когда судья приговорил меня к смертной казни через повешение, у меня вроде бы подогнулись колени, но выражение лица осталось невозмутимым, а на душе царил покой. Когда Жирдяй Джером, негласный правитель тюрьмы, попробовал сам привести приговор в исполнение и его огромные потные лапищи сомкнулись у меня на шее, я не стала с ним бороться, даже не пыталась сопротивляться, не подняла шума, но предала свою душу Сатане, которому она неизбежно и должна была достаться.

И все же, как выяснилось, умирать мне не хотелось. И пока Жирдяй Джером убивал убийцу, убившего меня, я, недолго подумав, почти инстинктивно вдруг увидела лицо своего убийцы глазами Жирдяя Джерома и забыла, что нужно сдавливать пальцы.

Мой убийца повалился на колени с побагровевшим лицом и с вылезшими из орбит глазами, жадно лоя ртом воздух. Вокруг собралась толпа, окружившая нас тесным кольцом, – тело к телу, пот к поту. Вдруг раздался голос:

– Почему ты не прикончил его, Джером? На хрена оставлять эту мразь в живых?

Я не могла говорить.

– Давай я его добыю, Джером! – прогнусавил другой, ворюга с порванной губой и татуировкой на руке, отчаянно стремившийся произвести впечатление на некоронованного короля застенков, властителя преступного мира.

Мое молчание было воспринято как знак согласия, и с легким вскриком заключенный рванулся вперед, глубоко вонзив узкий конец ложки в глазницу моего убийцы.

Спальный вагон – не самый удачный термин. Правильнее было бы назвать его вагоном для полудремы, к тому же постоянно прерываемой. Менялись локомотивы, вагоны дергались у погруженных во мрак платформ, и путешествие до Софии превратилось в серию резких остановок и рывков со скрежетом тормозов и бьющими по голове ударами металла о металл. В спальнях вагонов вы не можете спать и лишь временами проваливаетесь в бессознательное состояние, понимая, что ничего не понимаете, а мысли, которые приходят вам в голову, мыслями в полном смысле слова не являются. И, едва соображая, где находитесь, вы засыпаете, но почти сразу просыпаетесь, не осознавая, что спали хотя бы минуту.

Мы прибыли в Софию в 04.23 утра. Я бы даже не узнала об этом, если бы пассажир-одиночка не поставил себе будильник ровно на 04.15. Часы подали звук, показавшийся мне сиреной, возвещавшей о ядерной атаке, пробудив и перепугав всех пассажиров купе. Сам он скатился со своей полки прямо во вчерашней одежде, взял сумку и вышел, не сказав ни слова. Когда поезд подошел к перрону, я чуть приоткрыла занавеску. Солнце над городом еще не встало. Одиноким носильщик скучал на пустой платформе. Я передвинула свою подушку в вафельной наволочке ближе к стенке и снова свернулась клубком, пытаюсь заснуть.

Когда мы покидали Софию, занавеска так и осталась опущенной. Город, его история и его обитатели с их радостями и трагедиями – все это никак не могло заинтересовать меня в пятом часу утра.

Сербы паспорта проверяли. На станции Калотина-Запад группа угрюмых проводников, сопровождавшая нас всю ночь, сошла с поезда и покатила свои маленькие чемоданчики на другую платформу, чтобы вернуться домой. Новые проводники носили пижонские пижамки и поношенные синие форменные куртки. Как только поезд тронулся, они принялись стучаться в двери каждого купе:

– Билеты! Паспорта!

И то и другое куда-то унесли для проверки. Я отдала свой турецкий паспорт, данные которого уже хорошо запомнила, и откинулась на полке, жалея, что нельзя открыть окно пошире и посмотреть на мелькавшие за ним последние пейзажи Болгарии. Бояться опознания по эту сторону границы уже не приходилось. Как бы хорошо ни работала турецкая полиция, чтобы объявить человека в международный розыск, требовалось гораздо больше времени.

Когда мои бумаги проверили и проштамповали, я снова открыла досье, помеченное фамилией Кеплер.

Почти сотня фото и имен, стоп-кадров с видеокамер наружного наблюдения, копии ордеров на арест и семейных снимков. Записи личных бесед и документы, перенесенная на бумагу электронная переписка и данные прослушки мобильных телефонов. Некоторые лица в досье я едва помнила, а другие принадлежали мне порой годами. Вот нищий, встреченный мною в Чикаго, – отмытый и гладко выбритый, он оказался совсем еще мальчишкой. Прежде чем расстаться с тем телом, я записала юнца на курсы официантов в Сент-Луисе, посчитав это не самым плохим способом начать жизнь заново. Вот женщина из Сент-Питерсберга, которую отлюбили и бросили все ее многочисленные воздыхатели. Я встретила ее бродившей по улицам, не имевшей денег, чтобы хотя бы добраться до дома, и она прошипела: «Я еще

отомщу всем этим лживым дружкам...» А вот окружной прокурор из Нового Орлеана, сидевший рядом со мной в баре и сказавший: «Если он даст показания, я с блеском выиграю это дело, но он, черт возьми, слишком запуган, чтобы вообще явиться в суд». На что я предложила: «Хочешь, я доставлю его туда?»

Десять лет моей жизни были уложены в аккуратнейшем хронологическом порядке. Каждый скачок, каждый переход, каждое переключение, все мои тела были отслежены и зафиксированы для использования в будущем. Вплоть до самой последней страницы – Жозефины.

Кто-то провел долгие годы, следуя по моим следам, отмечая каждый мой шаг, пользуясь данными о случаях амнезии, показаниями мужчин и женщин, у которых выпали из памяти час, день, а порой и несколько месяцев подряд. Это был шедевр работы сыщика, триумф судебно-медицинской экспертизы, но лишь до того момента, когда в досье совершенно необъяснимо возобладала бессовестная ложь, заклеившая меня саму и владелицу моего последнего тела как убийцу.

Я вынула из досье несколько фотографий. Женщина, сидящая за витриной кафе в Вене, не притронувшись к пирожному; ее кофе уже явно остыл.

Мужчина в больничном халате с рыжевато-русой бородой, спускавшейся на его обвислый округлый живот, который смотрел в окно, где не виделось ничего примечательного.

Мальчишка-подросток с волосами, уложенными острыми зубцами, показывающий в объектив камеры два поднятых пальца и высунувший розовый язык с пирсингом. Определенно не мой тип, но, учитывая прочие обстоятельства, его снимок в моем досье мог появиться всего лишь случайно.

Пока поезд медленно полз по окраинам Белграда, я проверила свои пожитки.

Паспорта, деньги, оружие, мобильный телефон.

Я вставила батарейку и включила телефон. Он достаточно долго думал, где находится, а потом словно нехотя сообщил: да, это Сербия, и прислал мне текст с извещением о данном факте и пожеланием приятного пребывания в стране. Я ждала. Пришли еще два сообщения. Первое напоминало о пропущенном звонке. Номер не определился. И поступил текст: «SOS Цирцея».

Больше ничего.

По некотором размышлении я снова отключила телефон, вынула батарейку и сунула их на дно сумки.

Что можно сказать о Белграде?

Это очень плохой город, если вы стары, сварливы и придирчивы. Но фантастическое место, чтобы удариться в загул.

Вокзал – превосходный монумент амбициозной архитектуре XIX столетия, чудо пропорций и форм, построенное из превосходного камня. Никакого сравнения с позорным сараем в Капикуле. Стоит выйти на площадь, и вам начинают сигналить таксисты, выстроившие машины вдоль тротуара бампер к бамперу. В густом транспортном потоке трамваи и троллейбусы сражаются за место под паутиной электрических проводов, питающих их энергией. Неподалеку стоят два высотных здания. Они кажутся серыми и пустующими. Совсем недавно в одно из них попала натовская крылатая ракета. Словом, это настоящий вокзал. Сердце города. К запахам выхлопных газов и сигаретного дыма примешивается аромат речной воды, доносящийся оттуда, где сливаются Сава и Дунай, – при их виде понимаешь, что прежде не знала, как выглядит настоящая река. Стоя на берегу Дуная, легче верится, что и весь наш мир – всего лишь часть суши, со всех сторон окруженная водой, то есть остров.

К ночи баржи, пришвартованные вдоль набережных, заполняются музыкой и сиянием света, а молодежь стекается сюда развлекаться на всю катушку. Днем пешеходные улицы в центре заполняет модно одетая толпа, пришедшая купить еще более модные вещи или хотя бы обновить свое понимание современной моды, а по окраинам на скамейках собираются старики с сигаретами-самокрутками, худыми лицами и ввалившимися глазами, которые смотрят на окружающую действительность, ничему больше неспособные удивляться.

Поперек течения Савы отбрасывают длинные тени жилые многоэтажные здания и тоскливого вида промышленные предприятия, оставшиеся со времен коммунистической мечты. У них на редкость романтические названия: Блок-34, Блок-8 и так далее. По всей вероятности, здесь подлинная реальность ощущается острее, чем среди эксклюзивных бутиков на улице Князя Михайлы: жизнь лишена показного блеска, а модно одетые люди не вызывают никаких иных чувств, кроме презрения с оттенком зависти.

Я поселилась в отеле одной из десяти компаний, владеющих тысячами одинаковых гостиниц по всему миру. На этот раз в ход пошел паспорт гражданина Германии, и женщина в службе размещения на плохом немецком воскликнула:

– О! Очень добро пожаловать к нам!

В отличие от номера в Эдирне, моя комната оказалась просторной и стандартно сверкающей роскошью обстановки, какую ожидает встретить любой путешествующий европеец, слишком уставший, чтобы думать о том, где раздобыть чашку чая, и не желающий смотреть по телевизору ничего, кроме спортивных новостей по Си-эн-эн и повтора старых серий «Места преступления». Я надежно заперла на замок свой багаж, положив в карман несколько сотен евро, сунула под мышку досье Кеплера и отправилась на поиски интернет-кафе.

На странице 14 досье Кеплера помещалось фото мужчины. У него были крашенные черные волосы, а в носу, в нижней губе и в ушах блестело просто невероятное количество металла. Кроме того, он носил футболку с изображением черепа, и если бы у него на носу не сидели явно прописанные врачом очень сильные очки, а на заднем плане не виднелся учебник с названием «Prüfungs Gemacht Physik», я бы отмахнулась от него как от самого обыкновенного довольного собой панка.

Текст под снимком гласил: «Берлин, 2007. Йоханнес Шварб. Кратковременное пребывание в теле, продолжительная связь?»

Глядя на злобное выражение этого исколотого лица, я содрогнулась при одной только мысли, что могла когда-то носить это мясо, пусть даже очень недолго.

Ему было шестнадцать, мне – двадцать семь, и он пытался приударить за мной в берлинском ночном клубе.

– Нет, – сказала я.

– Да ладно, брось ломаться...

– Нет.

– Перестань, детка.

– Решительно – нет.

– Перестань...

В баре стоял веселый шум, звучала хорошая музыка. Меня звали Кристиной, и я любила мохито, его – Йоханнесом, и он был под кайфом.

Он высунул язык и показал мне гвоздик, торчавший из розовой плоти.

– Молодой человек, – начала я. – Ровно через тридцать секунд у вас могут возникнуть серьезные неприятности.

Мое заявление, хотя и не было пустой угрозой, до Йоханнеса не дошло, и он продолжал крутить всеми частями своего тела, которые еще контролировал, и терся ими о высокий стул, занятый мной. Ему пока не хватало наглости или смелости потереться обо что-то живое, и он удовлетворялся мебелью. Какое-то мгновение я рассматривала возможность совершить немислимое – схватить его за щеки и погрузить язык как можно глубже ему в глотку, наблюдая, что произойдет.

Однако слишком велика была вероятность, что от испуга он стиснет зубы, и показалось несправедливостью оставлять Кристину с распухшим языком и привкусом водки во рту.

Затем к нам подбежала его подружка. Ей и вовсе исполнилось всего пятнадцать, и она плакала. Потянув его за руку, сказала:

– Они здесь!

– Малышка, – заныл он, – разве ты не видишь, что я...

Последовал жест, изобразивший изгибы моего тела, очертания моего платья и убийственное выражение моих глаз.

– Они здесь, – прошипела она. – И требуют отдать деньги.

Она быстро посмотрела через танцплощадку, и он проследил за ее взглядом глазами с полопавшимися на белках сосудами. Тело его качнулось, чуть не потеряв равновесие, когда он изогнулся, чтобы разглядеть источник проблемы.

Трое мужчин, для которых эта вечеринка была не более чем источником дохода, двигались в нашу сторону с весьма грозным видом. Йоханнес принялся улюлюкать, захлопал в ладоши над головой, обнажив пронизанный металлом пупок, и выкрикнул:

– Эй вы! Мать вашу! Идите сюда и получите свое!

Если они и слышали его вопль, то он не произвел на них никакого впечатления.

– Тебе надо срочно уходить. Пожалуйста, беги! – прохныкала девчонка и снова потянула его за руку.

– Ублюдки! – не унимался он, и его лицо светилось безумной радостью в предчувствии фантастического исхода противостояния, который мог предвидеть только он один. – Идите же! Идите сюда!

Я вежливо похлопала девочку, заливавшуюся слезами, по плечу и спросила:

– Наркотики?

Она не ответила, а я и не нуждалась в ее ответе. Йоханнес улюлюкал. В руке ближнего к нам мужчины сверкнуло выкидное лезвие ножа.

– Что ж, ладно, – пробормотала я и положила ладонь поверх руки Йоханнеса.

Прыжок внутрь плоти нетрезвого человека исключительно неприятен сам по себе. Я твердо верю, что чем медленнее процесс потребления алкоголя, тем мягче затем воспринимается опьянение как таковое. Потому что сознание постепенно, шаг за шагом, привыкает к покачиванию стен, к покраснению кожи, к жжению в желудке и ко всем остальным физиологическим аспектам воздействия на организм яда, поглощая и скрадывая самые гадкие ощущения.

Совсем иное происходит, когда ты мгновенно перемещаешься из относительно трезвого тела в совершенно отравленное, причем ты даже не уверена, какими именно веществами. Это как выпрыгнуть из седла медленно бегущего пони и попасть на подножку стремительно несущегося экспресса.

Я резко дернулась, вцепившись в стойку бара, пока каждая частичка моего тела пыталась перестроиться и приспособиться к новому состоянию, к иному расположению в пространстве. Во рту было горько, как от желчи, в голове словно назойливо жужжали комары.

– Иисусе Христе! – прошипела я, а Кристина, сидевшая рядом со мной, покачнулась на стуле и открыла глаза. Сжав голову обеими руками, я развернулась и припустилась бежать со всех ног.

Соприкосновение кожи незнакомца с моей произвело эффект удара током, пробежавшего по рукам и вниз до самого желудка, где под легкими, как море о скалы, уже плескалось изрядное количество накопившейся рвоты. Я слышала крик девочки, топот ног преследователей, и в этот момент столкнулась с мужчиной, лицо которого было кофейного оттенка, а глаза – цвета авокадо. Красавец, как ни взгляни, и у меня тут же возникло желание внедриться в его тело. К черту дурака Йоханнеса!

Пожарный выход оказался закрыт, но не заперт на замок, а сигнализацию давно отключили курильщики и наркоманы, постоянно выходившие на задний двор и в темную боковую аллею. Я спотыкалась, забыв, что на мне уже не платье Кристины и не ее изящные туфельки на высоких каблуках. Почти кувыркком скатившись по лестнице и выбежав на улицу, я добралась до ближайшего мусорного контейнера, прижала голову к холодному вонючему металлу и от души, с огромным облегчением выпустила из себя блевотину.

Пожарная дверь сверху захлопнулась.

– Ну, теперь ты – труп, Шварб, – раздался голос.

Я успела приподнять голову, чтобы увидеть мелькнувший в воздухе кулак, с силой врезавшийся мне в скулу под глазом, и тут же упала. Мои руки скребли асфальт, перед глазами все крутилось, в правом ухе стоял невыносимый звон. Я откашлялась смесью слюны и желчи.

Трое окруживших меня парней только казались мужчинами. На самом деле им было от силы лет по девятнадцать, максимум – двадцать. Они были одеты в спортивном стиле: широкие тренировочные брюки и обтягивающие футболки из полиэстера, подчеркивавшие рельеф мускулатуры – предмет их особой гордости.

Они собирались вышибить из меня дух, а в моей голове все еще звучало недавнее собственное сопрано, и потому я никак не могла сообразить за что.

Я попыталась подняться, но один из них вновь поднял кулак и ткнул его мне в висок. Моя голова опять ударилась об асфальт, но это было даже хорошо, поскольку чем большая часть меня уже лежала, тем меньшей оставалось падать. Та же мысль, как выяснилось, посетила и одного из парней, который сгреб меня за воротник рубашки и начал перемещать в вертикальное положение. Инстинктивно я ухватилась за его запястья и, пока он в ярости раздувал ноздри и сверкал глазами, прижала пальцы к его коже и совершила прыжок.

Я держала за ворот Йоханнеса. Боже, как же мои кулаки хотели бить, как каждая мышца стремилась ударить кого-нибудь! Все мое тело вибрировало от избытка адреналина, и я подумала: а почему бы и нет?

Бросив Йоханнеса, я развернулась и, вложив в удар всю свою мощь – торса, бедер, коленей, плеч и рук, – врезала в челюсть тому из своих приятелей, который оказался ближе. У него треснула кость, от резкого соприкосновения челюстей вылетел зуб, и, когда он начал заваливаться на спину, я прыгнула на него и, оказавшись с ним лицом к лицу, придавила к земле, издавая крики голосом, совсем недавно сломавшимся. Я била и била снова, ощущая кровь на пальцах, хотя не была уверена, откуда она, пока третий парень не ухватил меня за шею, громко называя имя, которое, как я догадалась, было моим. Когда он оттащил меня от кровавого месива под моими коленями, я взялась за его руку, державшую меня за горло...

...И уже я сама держала партнера в захвате, а затем сделала его еще более жестким, скрестив предплечья, к величайшему изумлению своего товарища, пытавшегося вырваться, извиваясь всем телом, но уже задышавшегося в тисках моих рук. Я ударила его под левое колено, но не дала упасть, а только крепче удерживала практически на весу за одну только голову, пока у него не выкатились глаза, а желание сопротивляться не пропало совсем, и в этот момент я отпустила его.

Тяжело дыша, я повернулась к Йоханнесу. Тот сидел с глубоким порезом на лице, с грязными ободранными ладонями, глядя на меня округлившимися глазами, разинув рот. Я посмотрела на двух распластанных на земле бандитов и поняла, что они придут в себя не скоро. Снова бросила взгляд на Йоханнеса. Его губы кривились и двигались, словно он никак не мог сформулировать, что именно хотел сказать. А когда заговорил, его реакция оказалась не той, что я ожидала.

– О господи! – прошептал он. – Это было что-то *невероятное!*

Глава 18

Это случилось когда-то. А теперь был Белград, и тело мужчины, которого звали Натан Койл, хотя совершенно не обязательно.

Я взяла час в интернет-кафе, располагавшемся за темными куполами собора Святого Савы, открыла пачку с кексом и банку приторного фруктового напитка и вошла в Сеть.

Мне требовался хакер.

И когда Йоханнес Шварб ответил, то сделал он это совершенно под другим именем.

Кристина 636: Привет, Й. Ш.

Сперматозавр 13: ОМГ! Как дела?

Кристина 636: Мне нужна помощь.

Новые снимки из досье Кеплера.

Лица и воспоминания. Места, где я побывала, люди, которыми пользовалась.

Я достала листок. Хорст Гюблер, гражданин США. Первый контакт с неким Кеплером датирован 14 ноября 2009 года.

Нынешнее место пребывания: приют для душевнобольных «Доминико», Словакия.

Добрые они, эти словаки.

Больше никто бы его не принял.

Поездом от Белграда до Братиславы – двенадцать часов. Самолетом – быстрее, чем на такси до аэропорта. Но самолет значительно ограничивает твои возможности в сравнении с поездкой по железной дороге вместе с еще несколькими сотнями усталых путешественников. Начать с того, что оружие на борт не пронести, – поезд уже в этом смысле предпочтительнее.

И я отправилась в Братиславу с Белградского вокзала в 18.48.

Короткие заметки, сделанные в поезде. В купейных и сидячих вагонах пестрая смесь из сербов, словаков, венгров. Но преобладают чехи. Удивительно большое количество мест предназначено для инвалидов, хотя не видно ни одного. Целый вагон выделен для пассажиров с детьми до десяти лет. Мудрое решение. Двенадцать часов рядом с плачущим младенцем могут довести до смертоубийства кого угодно. В вагоне-ресторане подают вариации на темы сэндвичей, супа, чая, кофе, бисквитов, цветной и обычной капусты. Все это разогревается в микроволновой печи до нужной клиенту температуры. Поезд пересекает три государственные границы, хотя паспорта проверяют только один раз, и, если бы не едва заметные различия в написании слова «туалет» на станциях, можно было бы вообще не заметить, что находишься уже в другой стране.

Я включила свой – нет, принадлежащий этому телу – телефон сразу после пересечения границы Сербии и Венгрии. Поступило одно новое сообщение. Текст: «Эол». Номер отправителя опять не определился. Я снова отключила телефон, вынула батарейку и сунула поглубже в сумку.

– Семьсот евро, – сказал мне попутчик в баре. – Когда я последний раз путешествовал, мне прислали счет на семьсот евро. А я-то думал, что с членством в Европейском союзе у нас все подобные проблемы будут решены. Рассчитывал на позитивные перемены. То есть если ты звонишь в пределах Европы, то это как звонок по телефону в родном городе. Так ведь должно быть, верно? Ни черта! Как они позволяют телефонным компаниям творить такое? Почему разрешают нас грабить и делают вид, что все законно? И знаете, что хуже всего? – Нет, я не знала, что хуже всего. – Все звонки я делал по работе. Вот только пользовался личным мобильным, потому что рабочий сломался. А эти мерзавцы отказались возместить расходы. «Сам виноват, – заявили мне. – Надо читать написанное в контракте мелким шрифтом. А там сказано, что компания не несет материальной ответственности за твои ошибки». Мать их! Да пошло все в задницу! Что тогда называть рецессией? И чем занимаются наши правительства? А мы только и делаем, что расплачиваемся за чужую жадность и тщеславие. Вот для чего им нужен народ. Такие люди, как вы и я.

– И как же вы поступили?

– Я уволился с работы. А как же!

– Что теперь?

– Я в дерьме. В полном дерьме. Вот еду, чтобы пожить у матушки. Ей восемьдесят семь лет, и она все еще верит, что замужем, тупая корова. Но что мне остается делать?

Я заказала еще бутылку минеральной воды и пакетик хрустящих хлопьев, добралась до своего кресла и проспала, пока поезд мчался по Венгрии, следуя вдоль течения Дуная в сторону Словакии.

Я собиралась нанести визит Хорсту Гюблеру. Не потому, что он мне нравился. Просто автор досье Кеплера в свое время тоже побывал у него. И на мне, быть может, сейчас было самое подходящее для такой встречи лицо – нужно лишь немного удачи.

Вот при каких обстоятельствах я познакомилась с Хорстом Гюблером.

Она сказала:

– Я хочу, чтобы он сполна за все заплатил.

Ее пальцы сжимали стакан с виски, лицо приняло жесткое выражение, плечи напряглись. Она сидела на террасе своего белого деревянного дома, глядя, как солнце постепенно скрывалось за плакучими ивами, и говорила с медлительным выговором уроженки Алабамы:

– Я хочу заставить его страдать.

Я провела пальцем по ободку своего стакана, но не произнесла ни слова. Закат ложился розовыми полосами над горизонтом, протянувшись далеко в сторону реки, – слой облаков и просвет солнца, еще слой облаков и снова солнце. Над следующим вдоль улицы домом реял американский флаг. Еще через два дома стояла супружеская пара с ребенком в прогулочной коляске, обсуждая с соседом соседские проблемы. Обама был президентом, экономика горела синим пламенем, но в этом тихом уголке США, как казалось, все плевать хотели на это. И вообще на все. Кроме этой женщины.

– Он ее изнасиловал, – продолжала она. – Он изнасиловал ее. Как и других, и мне насрать на любые законы, потому что ему все сошло с рук. И снова сойдет с рук. Я хочу, чтобы Гюблер понес наказание.

– Умер? – спросила я.

Она помотала головой. Черные кудрявые пряди цеплялись за воротник рубашки.

– Убивать – грех. Библия ясно объясняет нам это. Но в Библии ничего не говорится о том, что нельзя опустошить его банковский счет, заставить его продать дом, настроить против него друзей и пустить этого подонка по миру в одном рубище с посыпанной пеплом головой. Говорят, вы способны на такое. Ходят слухи, что когда-то вы работали агентом по продаже особого рода недвижимости.

Я отхлебнула виски. Это был паршивый американский напиток, из тех, что гонят на ранчо, более обширных, чем среднее английское графство, а рекламируют как лучшее виски для настоящих мужчин, считающих, что носить тряпичную кепку равносильно пониманию вселенской истины. Напротив меня в белой рубашке и ванильного цвета юбке сидела Мария Анна Селеста Джонс, чьих предков насильно вывезли из Сьерра-Леоне, чьим домом стала долина Миссисипи, чья жажда мести не знала предела.

– Как вы узнали обо мне? – спросила я.

– Меня носили на себе. – Ее голос звучал бесстрастно, словно излагал простые факты. – Как чужую кожу. Использовали мое тело. Ведь так это у вас называется, верно? Мне было семнадцать, я была совершенно нищей. И этот тип подвалил ко мне. «У тебя, – говорит, – красивые глаза». – А потом прикасается ко мне, и я словно засыпаю. А когда просыпаюсь через шесть месяцев, у моей постели сидит девушка, и я слышу: «Спасибо за прогулку». Под матрасом нахожу пятнадцать тысяч долларов и письмо из Нью-Йоркского университета. Мол,

вы сдали экзамены. Молодец. Мы вас готовы принять.

– И вы туда поехали?

– То письмо я сначала сожгла. Но через две недели написала им с извинениями: письмо, дескать, потерялось на почте, и не могли бы они прислать мне другое. Они прислали, и я отправилась изучать юриспруденцию. Но узнала и многое другое. Например, что люди, переходящие из тела в тело, иногда сохраняют один и тот же электронный адрес. Тот, кто похитил мое тело, пользовался фамилией Куаньин. Он не удалил свои данные из компьютера отеля, когда выбрался из моей шкуры.

– Мне знакома Куаньин, – пробормотала я. – Она... Это женщина... Она, насколько я знаю, довольно-таки неряшлива. Многие этим отличаются. И что же... – я обдумывала свои слова, подбирая нужное сочетание, – она оставила вас в том же положении, в каком нашла?

Мария Анна Селеста Джонс посмотрела мне прямо в глаза, и ее взгляд был холоднее металла, а ее воля и желания несокрушимы.

– Он... То есть она... Трахала моим телом людей. Жрала, пила, украла полгода моей жизни, сделала маникюр, сменила мою прическу, а потом бросила меня в городе, где я никогда прежде не бывала. Но Куаньин дала мне столько денег, сколько я в жизни не видела, помогла поступить в колледж. И потому я больше не оглядываюсь назад. Нет, нельзя сказать, что она кинула меня такой же, какой нашла. Глупо даже так ставить вопрос, вам не кажется?

Я отхлебнула еще виски, дала себе время обдумать ее слова, а потом, откашлявшись, спросила:

– Значит, вы не хотите ей отомстить?

– Нет. Ей уже не хочу. Другому. – Ее пальцы сильнее сжали стакан. – Гюблеру. Это Куаньин рекомендовала вас. Считает, что вы в таких делах настоящий эксперт. Работали раньше с недвижимостью.

Тонкий ободок стакана слегка загудел, когда я снова провела по нему пальцем. Мне не хотелось встречаться взглядом с Марией Анной.

– Она объяснила, что это означает?

– Рассказала мне достаточно. Гюблер богат. Преуспевает во всем и собирается баллотироваться в конгресс. Причем его туда точно изберут, потому что если он что-то не сможет купить за деньги, то приобретет с помощью лжи. Он заводит дружбу с теми, кто вносит средства в фонд его кампании, и насилует бедных чернокожих девочек, потому что знает – ему ничего за это не грозит. И это *мы сами* все ему прощаем. Мы. Наши законы. На бумаге у нас перед законом все равны, но некоторые более равны, чем другие. И если я смогу хоть что-то сделать в своей жизни, то этого мне будет вполне достаточно. Мое единственное желание – уничтожьте Гюблера. Сделайте это за деньги, требуйте любое вознаграждение. Или сделайте ради развлечения. Потому, например, что вам нужно новое тело. Мне плевать, во имя чего вы это сделаете. Но только доведите все до конца.

Она говорила, не повышая голоса, а ее глаза не извергали молний. Ее речь словно была записью, сделанной в морге, показаниями призрака, восставшего из гроба, а ее доброта давно лежала в могиле под толстым слоем сырой земли.

Я допила виски, поставила стакан на стол и сказала:

– Хорошо.

...Четыре дня спустя она надела синее бальное платье с глубоким вырезом, подчеркивавшим ее крепкую грудь, облегавшим упругие ягодицы, не скрывавшим изящную форму ее ног. А я надела тело мужчины без подбородка, но в новом костюме, который

продавал доверчивым людям никуда не годные автомобили и попытался проделать тот же трюк со мной. Мы стояли на ступеньках у входа в музей, посвященный одному из крупнейших сражений Гражданской войны, в котором сражались люди, действительно во что-то верящие, и те, кто волею слепого случая стал их противником, хотя на поле боя и те и другие проявили чудеса храбрости независимо от причин, приведших их сюда. Изнутри доносились негромкие звуки самой незамысловатой музыки в исполнении приглашенного квартета, голоса уверенных в себе людей и постукивание высоких каблуков. Бокал звенел о бокал. Деньги почти ощутимо перетекали изо ртов одних людей в уши других, когда заключались сделки и составлялись планы, не оформленные пока официально.

Мария Анна держала в руках приглашение с серебристой каймой. Я протянул ей руку. Словно кавалер, приглашающий на танец со словами:

– Вы позволите?

Ее лицо оставалось совершенно спокойным, когда она приняла мою руку, но пальцы заметно дрожали. Я ободряюще сжала ее ладонь, заметив, как ее передернуло. И переход совершился.

Торговец машинами покачнулся, издал легкий стон, но я уже летела вверх по ступеням в волнах тафты и духов с ароматом шиповника, с волосами, слишком туго стянутыми на затылке. Мое сердце билось так часто, что на мгновение я ощутила головокружение, но знала, что причина не во мне, а в тревожном предчувствии, переполнявшем все существо Марии Анны всего несколько секунд назад.

И все же она взялась за мою руку.

Я протянула приглашение юноше на входе, даже не посмотрев на него, зато юноша проводил меня долгим взглядом, какого заслуживало тело, в котором я сейчас находилась. Мария Анна была высокой и грациозной, а длину ее лебединой шеи только подчеркивала единственная крупная жемчужина, лежавшая во впадинке под горлом. Ладони мои вспотели – естественная физиологическая реакция на продолжительный стресс. Когда я вихрем ворвалась в главный зал музея, гости в смокингах и вечерних платьях двигались по кругу от черной чугунной пушки и монумента павшим к стеклянным витринам, в которых были выставлены пистолет генерала, мундир погибшего в бою полковника, знамя батальона, весь личный состав которого погиб, защищая некую простреливаемую со всех сторон высоту. Но и перед экспонатами люди в толпе оживленно переговаривались и даже посмеивались, словно речь шла не о славном прошлом, а о вчерашнем эпизоде популярного телевизионного сериала.

Я взяла бокал шампанского с подноса у проходившего мимо официанта и двинулась в сторону стены с фотографиями, зернистыми и пожелтевшими. Попивая шипучий напиток, я дождалась, пока пульс вернется в норму, а излишнее возбуждение пройдет. Напряжение спадало очень медленно. Казалось, нервная система упрямо не желает давать мышцам расслабиться. Я стала всматриваться в круживших рядом людей, выискивая в толпе Хорста Гюблера.

Долго всматриваться мне не пришлось. Вокруг него стоял непрерывный шум, подобный морскому прибою, и, в отличие от более скромных гостей, ему не приходилось перемещаться по залу в поисках компании – наоборот, другие стремились подойти и присоединиться к нему. Я тоже приблизилась, очаровательно улыбаясь каждому, кто попадался на пути, и вскоре уже стояла почти рядом, но чуть в стороне, слушая его рассказы для восхищенно внимавшей публики – о том, как однажды он поймал поистине огромную рыбу, о встрече с

министром, о красоте заката среди нефтяных полей Саудовской Аравии, который ему довелось наблюдать. Причем, когда аудитория начинала смеяться, я и бровью не вела, и именно такая реакция заставила его повернуться, чтобы обратить свой взор в мою сторону.

Он осмотрел меня снизу вверх и сверху вниз, похотливо изучая тело и кожу, прежде чем на его лице появилась радостная улыбка узнавания, от которой у меня свело низ живота, и он сказал:

– Привет! Я помню вас *очень хорошо*.

И хотя я была в отменной физической форме, привыкнув к занятиям в спортзале два или три раза в неделю, а питалась очень рационально, мне было трудно сдерживать тошноту. Поэтому я поспешно сделала шаг в сторону его улыбающегося, но уже плывущего в моих глазах лица и вытянутой вперед руки.

– Не сомневаюсь, что помните, – ответила я.

И он пожал мне руку.

Позже, вспоминая речь, произнесенную Хорстом Гюблером в музее, наиболее снисходительные слушатели посчитали, что он, видимо, был болен, поскольку вел себя немного странно еще до нее. Более строгие критики и представители прессы сообщали: мистер Гюблер, несомненно, выступал уже в сильнейшем подпитии, – другого объяснения его поведению не находилось.

Но, независимо от личных симпатий или антипатий, каждый запомнил первое же заявление, сделанное им с трибуны и растиражированное потом всеми средствами массовой информации страны.

– Всем привет! – воскликнуло тело Хорста Гюблера, заставляя зал замолчать при помощи постукивания серебряной ложки о хрустальный бокал. – Я так рад, что вы здесь сегодня собрались! Очень рад! И хочу высказать только одно мнение, прежде чем мы начнем нашу вечеринку. Какой все-таки педик этот президент Обама!

Через три дня я уже сидела в самолете, летевшем в Словакию, с паспортом и кредитными картами Хорста Гюблера в кармане. Баснословный размер его состояния оказался чистейшим блефом. На самом деле в его распоряжении был один миллион восемьсот тысяч долларов, из которых двадцать тысяч были перечислены в швейцарский банк на предъявителя – некоего анонимного путешественника. Еще восемьдесят тысяч он задолжал в качестве алиментов бывшей жене, а остальное владелец добровольно пожертвовал благотворительной организации, занимавшейся помощью жертвам изнасилований и их психологической реабилитацией. В избытке благодарности организация прислала мне почетную грамоту в бронзовой рамке, которую я с поздравлениями переадресовала Марии Анне Селесте.

Знаю ли я словацкий язык? Ни слова. Я владею французским, немецким, русским, китайским, японским, английским, малайским, испанским, итальянским, арабским и турецким языками, а также фарси и суахили. Разумеется, обладая столь обширной базой, я способна отчасти понимать языки, схожие по происхождению, хотя общее понимание смысла простых фраз далеко не равнозначно умению говорить.

Венгерский? Чешский? Как раз из этой серии. Лишь несколько слов, заимствованных из других языков: туалет, телевидение, кредитная карта, Интернет, электронная почта. То есть слова, появившиеся в мировом употреблении либо слишком давно, либо слишком недавно и оперативно, чтобы местные лингвисты успели найти для них эквиваленты.

Я сошла с поезда, не доехав нескольких станций до Братиславы. Когда я впервые приехала в Словакию, это была красивая страна с широкими реками, с обширными плодородными полями, с поросшими соснами холмами, высившимися на горизонте, и с отдаленным звоном коровьих колокольчиков, доносившимся с окрашенных в серо-зеленые тона пастбищ в долинах. У словаков, возможно, были даже свои национальные костюмы, хотя в то время концепция национальных традиций еще не была романтизирована до ее нынешнего пышного величия.

Коммунизм, как обычно, не проявил милосердия к подобным идиллиям. С нежностью танка он проехался по деревенькам с уютными домиками из простого камня и маленькими ухоженными часовнями, чтобы воздвигнуть на их месте свою гордость – многоэтажные жилые коробки и железобетонные промышленные центры, которые пришли в упадок уже вскоре после постройки. Реки, вода в которых когда-то отличалась поразительной прозрачностью, теперь медленно текли, покрытые толстым слоем отходов, снова появлявшимся сразу же после каждой попытки избавиться от него. Эта земля все еще оставалась красивой, но ее повсеместно уродовали напоминания о чрезмерных индустриальных амбициях.

Я остановилась на ночь в отеле городка с непроизносимым названием. Автобус до Братиславы отправлялся отсюда каждые три часа – дважды в день по воскресеньям. Одна церковь, одна школа, один ресторан, а на окраине городка – единственный супермаркет, торговавший, помимо вяленого мяса и рыбы, садовой мебелью, сантехникой и маленькими электрическими машинками.

Владельцами отеля оказались муж и жена, причем кроме меня в нем остановились еще только двое – велосипедисты из Австрии, приехавшие покрутить педалями по более пологим дорогам, чем на родине. Я дождалась, пока гостиница полностью затихнет, прежде чем выйти на ночную прогулку.

Город с единственной церковью оказался и городом с единственным баром. И в этом единственном баре гоняли записанные на компакт-диски популярные песни восьмидесятых годов прошлого века. На танцплощадке топтались, терлись друг о друга подростки. Эти юнцы явно мечтали уехать куда-нибудь, но сейчас не решались даже отправиться по домам, возбужденные, но и слишком боявшиеся своих подруг, чтобы откровенно предложить им заняться сексом.

Мне же необходим был кто-то другой, кто мог заинтересоваться мною, и я обнаружила

ее сидевшей в углу и наблюдавшей за происходившим из полумрака. Я уселась напротив и спросила, говорит ли она по-английски. Немного, ответила она. Но для того, чем она занималась, немного было более чем достаточно.

Я заказала ей выпить, но она почти не прикоснулась к спиртному. Ее английский оказался лучше, чем она утверждала, а чуть позже мы обнаружили, что она превосходно владеет французским. Она спросила, где остановился чужестранец.

– В гостинице.

– Не пойдет, – возразила она. – Если чего-то хочешь, я знаю тихое местечко.

Тихое местечко мне подходило идеально. Тишина и покой – именно то, что мне было нужно.

Она жила на самой окраине города. За нами закрылась тяжелая входная дверь. Стены в подъезде были увешаны старыми фотографиями пожилых женщин, гордо положивших руки на плечи сыновьям.

Обстановка в ее комнате состояла из кровати, письменного стола и пары плохих картин, привезенных с собой прежними жильцами много лет назад и настолько никчемных, что они оставили их, когда съезжали, а ленивый домовладелец их даже не тронул. Под кроватью кипами лежали учебники экономики, химии и математики. В забытых на небольшом кособоком столе тарелках разрасталась плесень и валялись обрывки фольги с пятнами от порошка. Она ногой затолкала книги поглубже под кровать, сняла жакет и спросила, готов ли я.

Полосы на ее руках почти зажили, но все еще были заметны. Тонкие белые шрамы тянулись ровными рядами от запястий к локтям. Они были бы неразличимы, но их постоянно расчесывали. Я спросила, сколько ей лет.

– Ты готов?

– Давай займемся чем-нибудь чуть более замысловатым?

Я отдала ей ключик, прежде чем достать наручники. Нельзя, чтобы у нее сразу зародились подозрения. Она испугалась, но профессионализм достаточно быстро вернул улыбку на ее лицо. Она жестом указала на постель – давай, начинай.

Я улеглась на кровать, позволила приковать свою правую руку к спинке, а когда она наклонилась, чтобы полюбоваться своей работой, свободной рукой ухватила ее за левое запястье и прыгнула.

– Привет, – сказала я телу, лежавшему на кровати и моргавшему в недоумении, стараясь сфокусировать взгляд. – Думаю, нам надо поговорить.

Шрамы на моей руке чесались. Под колготками таились более свежие шрамы на внутренних сторонах бедер, вызывая к новым прикосновениям скальпеля и дозе порошка-антисептика.

Натан Койл – по крайней мере, такое имя было записано в его канадском паспорте – лежал на постели. Я села ниже, скрестила ноги и уперлась подбородком в ладони.

– Тебе пришли текстовые сообщения, – сказала я.

Его глаза наконец стали различать меня, а с четкостью зрения вернулось здоровое мышление. Но ясность мысли не привела ни к каким утешительным умозаключениям. Он заскрежетал зубами, его пальцы напряглись.

– Как нетрудно догадаться, – продолжала я, – это простая проверка твоей безопасности. В первом было слово «Цирцея». Во втором – «Эол». Я не имела понятия, как отвечать, поэтому не стала ничего делать. Так что твои коллеги уже должны понимать, что ты попал в беду. Это, вероятно, хорошая новость, если только тебя не собираются застрелить, как ты застрелил Жозефину.

Он лежал неподвижно. Вытянувшись. Хотя угол, под которым была согнута его прикованная рука, нельзя было назвать удобным, он все же казался крепким парнем. А крепкие парни не суетятся.

– Я прочитала досье Кеплера, – добавила я, подавляя желание почесать руку. – По большей части там все верно. Производит впечатление. Но вот только тебя там нет, и, если не ошибаюсь, а я почти уверена, что не ошибаюсь, мне никогда не доводилось трогать твое тело. То есть до того времени, когда ты попытался меня убить. Значит, тут ничего личного. Доводилось встречать призраков прежде, мистер Койл?

Молчание. Ну, разумеется. Жесткие парни. Они привыкли просыпаться в незнакомых местах, прикованные наручниками, убивать женщин на станциях метро, привыкли к проникновениям и вынужденным путешествиям через пол-Европы. Но нет ничего, с чем они в итоге не справились бы.

– Я обдумывала возможность изуродовать тебя, – выдохнула я, едва ли сама осознавая смысл сказанного и радуясь лишь, что при этих словах что-то дернулось в лице Койла. – Разумеется, не находясь внутри тебя. Мне никогда не нравились такие трюки. Но я все еще надеюсь, что твои дружки, кем бы они ни были, убьют тебя не сразу, как ты убил Жозефину, и их колебания могут спасти мне жизнь. – Молчание. – В Эдирне я задала пару вопросов. Пробыв какое-то время в твоем теле, я заинтересовалась кое-чем еще, хотя общее направление остается прежним. На кого ты работаешь и почему они оболгали Жозефину?

Он чуть приподнялся на постели, и его глаза впервые встретились с моими. Он не сразу отвел взгляд.

– Это ложь, – снова буквально выдохнула я ему в лицо. – Большая часть материалов досье правдива, но там, где речь заходит о Жозефине, – сплошная ложь. Твои хозяева хотели, чтобы она умерла, как и я. Почему, как ты думаешь? Кто те люди, которых она якобы убила? С такими, как я, всегда стремились расправиться. Это продолжается столетиями. Оно и понятно, если учесть то, кем мы являемся. Но ты прострелил Жозефине ногу, и хотя я успела сбежать, *хотя ты знал*, что я успела сбежать, все равно всадил две пули ей в грудь. И я не понимаю почему. Мне хочется, чтобы все это закончилось благополучно. Ты, конечно,

убийца, но действуешь не один. И ты до сих пор жив только потому, что других нитей у меня в руках нет.

Я ждала. И он ждал.

– Тебе надо подумать, – заключила я. – Это можно понять. – Мои пальцы прикоснулись к внутренней стороне предплечья, скользя вдоль шрамов, преодолевая желание почесать их. Я отдернула руку, встала, надеясь, что движение отвлечет меня от физиологической потребности.

Он наблюдал за мной и улыбался.

– Это тело... – Я жестом показала на себя от головы до ступней. – ...Ей, вероятно, лет семнадцать. Занимается членовредительством, наносит раны сама себе. Наркоманка, проститутка, а под кроватью – школьные учебники. Какое мне до всего этого дело? Мне должно быть все равно. Лишь краткая остановка, а остальное меня не касается. Скажи, тебе нравится то, что ты видишь?

У жестких парней бывает собственное мнение? У этого, казалось, не было. Вероятно, тренировки по подавлению страха подавляют и способность мыслить.

– Ты думай, – сказала я. – Для меня пока найдется кое-какое занятие. – И я действительно его нашла.

Я сгребла обрывки фольги в полиэтиленовый пакет, отскребла стол, открыла окно, чтобы впустить в комнату прохладный ночной воздух. Поставила книги в ряд на полку, вернула на вешалки одежду, грудой валяющуюся в стенном шкафу-гардеробе, выбросила две пары безнадежно дырявых колготок. Поправила «произведения искусства», скособочившиеся на стенах, в ящиках стола обнаружила пакетик с травкой и еще один с кокаином, которые тоже отправила в мусор. Нижний ящик оказался заперт. Я взломала замок с помощью кухонного ножа и достала целый набор хранившихся в образцовой чистоте хирургических ножниц, бинтов и единственный сверкавший серебром скальпель. После недолгого размышления я выбросила все режущие предметы, оставив на месте только бинты.

Койл пристально наблюдал за мной с кровати, тихий, как летучая мышь. Его взгляд помог мне отвлечься. Навел на воспоминания. Мне доводилось выступать в палате представителей конгресса США, и я проявила себя остроумным и красноречивым оратором, легко завладевшим вниманием зала. Но тогда на мне был костюм за три тысячи долларов, я только что потратила двести долларов на обед и выглядела великолепно, поскольку именно так мне надлежало выглядеть.

Эта случайно встреченная мною девочка никогда не будет великолепной. В расплзшихся колготках и с израненными руками ей ничего не оставалось, кроме как прикрываться своей хрупкостью, прятаться в костлявом тельце с торчащими, как крылышки у цыпленка, лопатками. Вечно опущенный подбородок, напряженная шея – все закономерно, как эта ночь за окном. И все же, когда Койл наблюдал за мной, он смотрел не на нее, а на *меня*, и ни опущенный взгляд, ни отведенное в сторону лицо не меняли объект его подлинного интереса.

Мне было неудобно и непривычно, но я все же чувствовала возбуждение.

Я сконцентрировала внимание, рассчитывая каждое свое движение, и продолжала наводить порядок в чужой спальне. Очистка комнаты – это продолжение очистки тела. Мебель меняют, как меняют одежду. У каждого свое хобби. Люди, причем любые, стали моим увлечением.

– А ты наглая сучка, – произнес Койл.

– О господи! – воскликнула я. – Он все-таки умеет говорить!

– Ты играешь с ее жизнью...

– Не возражаешь, если я убью тебя, пока мы не достигли слишком эмоционального состояния? Я здесь для того, чтобы поговорить с тобой. Поскольку ты не можешь думать самостоятельно, когда я нахожусь в тебе, мне необходимо другое тело, чтобы насладиться плодами нашей беседы. Не скрою, мне быстро все надоедает, а потому я пытаюсь воспринимать любую кожу, которую ношу, чем-то вроде проекта, как поступил бы любой. Как любой и поступает. Одни начинают вязать. Другие занимаются йогой. И если бы данный проект был долговременным, я бы, наверное, всерьез задумалась над вторым вариантом – у меня сейчас ощущение, что этим коленкам нужен особый режим. Но проект краткий, а потому я лишь делаю, что могу, мимоходом. И прежде чем продолжить рассуждать о том, какое я чудовище, лучше передохни, пока я занимаюсь уборкой. Я ведь могла бы вместо этого выцарапать твои мерзкие глазенки.

Он снова поджал губы, а я уселась на край постели, подтянув тощие колени под подбородок, обняв их покрытыми шрамами руками и глядя в его темные серые глаза.

– Ты рвешь жизни людей на части, – сказал он после долгого молчания.

– Да. Так и есть. Я и не отрицаю. Я захожу в чужие жизни и краду все, что нахожу в них. Их тела, время, деньги, их друзей, возлюбленных, супругов – я забираю все это, если таково мое желание. Но порой я все им возвращаю, пусть и в несколько ином виде. Вот это тело, – я заправила за ухо выбившуюся прядь волос, – через несколько минут очнется, напуганное и сбитое с толку, потому что за долю секунды куда-то денутся несколько часов его жизни. Она подумает, что ее изнасиловали, накачали наркотиками, что-то сделали с ее телом, с ее пожитками, которые она считает единственным символом того, чего она добилась в жизни, подобно большинству других людей. Она испугается не потому, что ей причинили физическую боль, а потому, что некто вошел в ее жилище и переделал на свой лад место, где она обитает. Вероятно, она творит нечто жуткое, когда ей одиноко. Режет свою плоть, нюхает кокаин, пьет, а потом находит парня, который помогает все это оплатить. На самом деле я ничего не знаю точно. Но нам с тобой надо было поговорить.

Он чуть слышно вздохнул:

– Так уж и надо?

– Для меня устроить разговор было так же легко, как провести тебя через китайскую таможню с пятью килограммами героина, привязанными к поясу. Будешь со мной откровенен, и у тебя появится шанс выжить.

– Ты крадешь жизни. Лишаешь людей выбора, как только что лишила ее.

– Ничего подобного. Через пару часов это тело снова будет принадлежать ей, а мы исчезнем. Через пару часов. А быть может, достаточно минут или даже секунд, чтобы все изменилось. Или осталось по-прежнему. Все зависит от того, как ты себя поведешь.

– Вор всегда остается вором.

– А убийца – убийцей. Неплохое дополнение к твоей мудрой сентенции, не так ли?

Он чуть сдвинулся в сторону на постели.

– Чего ты хочешь?

– Ты убил Жозефину, – ответила я, и мой голос прозвучал шепотом, холодным и мрачным. – Ты знаешь, как я к этому отношусь. Почему ты покушался на мою жизнь, Койл?

– Вот сама мне и скажи.

– Поистине, иногда легче драться, чем разговаривать.

– А ты бы стала разговаривать с вирусом оспы?

– Если бы он рассказал мне интересные истории о мучениях, которые наблюдал, о великих людях, которых навестил, о выживших детях и умерших матерях, о душных больницах и морозильных камерах, перевозимых в охраняемых грузовиках, я бы угостила его вкусным ужином и провела с ним уик-энд в Монако. Не приравнивай меня к цепочке ДНК в протеиновой оболочке, Койл. Это недостойно нас обоих. Твои паспорта, твои деньги, твое оружие свидетельствуют о том, что ты – часть четко организованной, крупной операции. Ты поддерживаешь отличную физическую форму, а я не сижу на специальных диетах и даже от пола не отжимаюсь. А потом ты убиваешь подобных мне людей... – Я вздохнула. – И лишь по одной причине, как я догадываюсь. Просто потому, что мы вообще существуем. Неужели ты думаешь, что ты первый? Время от времени кто-то пытается это сделать. А мы, тем не менее, все еще здесь. Такие же упорные, как сама смерть. На двух разных континентах, двумя разными путями сформировались два абсолютно различных, но функционально идентичных вида стервятников – так природа заполнила пустоту. И не важно, скольких из нас вы убьете: мы будем возрождаться, повторяться, как икота природы. Так перейдем к сути. Ты убил хозяйку тела, которую я любила. Тебе, возможно, трудно поверить в это, но я действительно любила Жозефину Цебулу, и ты ее убил. А убил потому, что в ее досье значилось, что она не просто используемое тело, а и сама является убийцей. Но это была ложь. Твои хозяева солгали тебе. Это, и только это стало для меня новостью.

– Досье не содержало лжи, – ответил он. – Жозефина Цебула должна была умереть.

– Почему?

– Тебе это известно.

– Вовсе нет. Имена в досье – список людей, которых она якобы лишила жизни: Торстен Ульк, Магда Мюллер, Джеймс Риктер, Элсбет Хорн. Я никогда не слышала о них, пока не ознакомилась с досье. И способы убийств – жестокие до садизма. Жозефина была совсем не такой. У нее не имелось ни мотива, ни возможности, ни средств, и если бы ты провел собственное расследование, то знал бы об этом. Она была моей оболочкой – ни больше ни меньше. – Он избегал моего взгляда, а потому я взяла его за подбородок, заставила поднять голову и посмотреть мне в глаза. – Так расскажи мне, почему?

– Галилео, – ответил он. Я застыла, продолжая держать его за подбородок. Казалось, он сам удивился, что заговорил. – Из-за Галилео.

– Кто такой Галилео?

– *Санта-Роза*, – пояснил он. – Она была Галилео.

Я колебалась, выискивая в его лице нечто большее, и он, воспользовавшись тем, что я отвлеклась, нанес удар – сжатой в кулак левой рукой врезал мне по лицу. Я вскрикнула и повалилась на бок, скатившись с постели. Он сумел встать на колени, с силой натянув цепь наручников обеими руками, отчего даже металлическая спинка издала треск и начала поддаваться. Я с трудом поднялась на ноги и получила удар ногой в живот, но, едва он успел оторвать свою руку от спинки кровати, навалилась на его прикрытую брючиной голень, чувствуя под пальцами обнаженную лодыжку, и на этом инцидент был исчерпан.

На нас охотились всегда.

Но мне самой впервые пришлось познать эту простую истину в 1838 году. Я находилась в Риме, и как они меня там нашли, навсегда осталось тайной.

Они явились глубокой ночью, мужчины в толстых кожаных перчатках и черных масках с длинными, пахнущими чем-то сладким носами. Борцы с чумой – с очень необычным заболеванием. Рукава, лодыжки и пояса они плотно обмотали веревками, чтобы я пальцами никак не смогла добраться до их плоти. Двое уселись мне на грудь, пока третий застегивал у меня на шею жесткий воротник, прикрепленный к трехфутовому шесту, чтобы затем вздернуть вверх за горло. Я извивалась и корчилась, билась в истерике и пыталась ухватить чью-нибудь руку, прядь волос, ногу, палец – любую часть тела кого-то из незнакомцев, но они действовали осторожно, предельно осторожно. И потом, уже таща меня по ночным улицам, как взбесившуюся собаку, на крепком поводке, они непрерывно напоминали друг другу: берегитесь, берегитесь, не приближайтесь к этому дьяволу, не позволяйте его пальцу даже вскользь коснуться вас. В глубоком ночном мраке я видела лица римских императоров с отбитыми носами и отвалившимися конечностями, полные слез очи Девы Марии и пронзительные взгляды воров в капюшонах, сновавших по каменным проулкам среди покосившихся вонючих домов. Но напрасно было бы искать в них сочувствие и утешение.

В сыром каменном подвале башни, возведенной давно умершим римлянином и отреставрированной давно умершим греком, они заковали меня в кандалы, накрепко зафиксировав в деревянном кресле так, что я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, ни головой. Затем стали приходить священники и доктора, солдаты и просто громилы, избивавшие меня длинными дубинками с шипами на конце. Они окуривали меня ладаном и зывали: «Изыди, сатана! Во имя Отца и Сына и Святого Духа, изгоняем тебя. Изыди!»

На третий день моего заточения трое мужчин в масках вошли в подвальную камеру и привели с собой женщину с покрасневшими от слез глазами, которая попыталась броситься мне в ноги, поцеловать мои затянутые в перчатки руки, но ее немедленно оттащили за выложенный из соли круг, которым обвели мое кресло.

И она плакала, буквально заходила в рыданиях: мой сын, мой сыночек, какой демон сотворил с тобой такое?

И если бы мне не переломали ребра, не затравили меня снадобьями и не кормили всего лишь водой с влажным хлебом, который подносили к моему рту на длинной ложке, я могла бы ответить: вот эти люди так поступили со мной, добрая матушка. Те самые люди, что стоят рядом с тобой, надругались надо мной подобным образом. Подойди ближе, и когда мои губы коснутся твоего уха, я расскажу тебе всю правду.

Но поскольку я находилась в жутчайшем состоянии, то не вымолвила ни слова и лишь сидела перед ней поникшая, а она все плакала и завывала, все звала своего мальчика, пока они не дали ей чашу с вином, куда подмешали что-то. Она успокоилась и села на низкую табуретку.

А затем главарь моих мучителей, мужчина в широкой красной рясе с капюшоном и огромных малиновых перчатках, которые свалились бы с его рук, не будь надежно прикреплены к манжетам и привязаны к предплечьям, встал перед моей матерью на колени и провозгласил: «Твой сын умер и отправился на небо. А ты видишь перед собой имитацию

его земного образа, призрак в истлевшем теле сына. Мы могли бы предать его казни, даже не известив тебя, но ты – его мать, а для матери не знать, что случилось с ее ребенком, хуже, чем постигнуть все ужасы, которые совершило это исчадие ада».

После этого она еще немного поплакала, и я даже восхитилась жалостью, проявленной моими будущими убийцами к женщине, породившей подобное создание.

А главарь между тем продолжал: «Этот демон, облаченный в плоть твоего сына, совершал акты прелюбодеяния. Он возлежал как с женщинами, так и с мужчинами. И он носил лицо твоего мальчика, совершая один тяжкий грех за другим, наслаждаясь своим могуществом, получая удовольствие от причиненного им зла. И с каждым своим деянием он бросал все более черную тень позора на память твоего сына и потому должен быть предан смерти. Ты понимаешь это, добрая женщина? Ты простишь нам то, что велит свершить священный долг?»

Она отвела взгляд от этого ангела смерти, посмотрела на меня, а я лишь прошептала: «Мамочка...»

И сразу же мой будущий убийца положил свои руки на руки женщины и прошипел: «Это не твой сын. Это – демон. Он скажет все, что угодно, лишь бы уцелеть».

И моя мать отвернулась от меня. Со слезами, сбегавшими по ее щекам, она прошептала: «Да смилуется Господь». Но над кем, так и не решилась произнести.

Я пыталась начать двигаться, извиваться и кричать, взывая к матери, когда они уводили ее, но она даже не оглянулась, и мне трудно было винить ее. По правде говоря, я ведь даже не знала ее имени.

На следующее утро в предрассветный час меня вывели во двор, который окружали серые стены с окнами, наглухо закрытыми ставнями. Когда-то этот дом принадлежал великому человеку, но в наступивший век стали и пара превратился в запущенные руины, в монумент имперским амбициям.

Погребальный костер уже был сооружен в центре двора, и облаченные в красные рясы хозяева моей судьбы выстроились вокруг него с опущенными головами, со скрещенными на груди руками в перчатках. В металлической жаровне, стоявшей неподалеку, тлели угли. Ритуал облегчает акт убийства, позволяя сосредоточить внимание на его внешних проявлениях. Увидев костер, я снова забилась в истерику и принялась громко кричать, но меня волоком дотащили до столба и заставили пасть на колени. Передо мной возник священник; длинная черная ряса почти закрывала такую же черную обувь. Он воздел руки, благословляя если не меня, то просто тело, которое собирались предать огню, а до меня дошло, что даже под очень длинной рясой могла скрываться голая волосатая нога. И если прежде вопрос, что носят священники под сутанами, никогда особо не занимал меня, то теперь он приобрел исключительную важность. И я повалилась вперед, упершись в камни жестким ошейником, словно стараясь удавиться, хотя он при этом действительно больно впился в трахею и чуть не перекрыл дыхание. Охранник, удерживавший меня, под тяжестью моего веса подался вперед, когда я припала к мостовой, а святой отец отшатнулся, сам, видимо, потрясенный своей способностью вызывать столь глубокое раскаяние. На кратчайшее мгновение я почувствовала, что давление на мое горло ослабло. Я открыла глаза, толкнулась вперед на животе, а потом, оскалив зубы, просунула голову под одежды священника и изо всех сил укусила то, что скрывалось под ними.

Моего лица коснулись волоски, ткань лезла в глаза, во рту появился вкус крови.

Священник едва успел издать испуганный и удивленный возглас, когда я совершила прыжок и сделала несколько шагов назад с развевавшейся вокруг ног сутаной. А закованного в кандалы юношу оттащили от меня, ударив дубинкой по голове. Я еще немного попятилась и, хотя мои руки сильно дрожали, произнесла на чистейшем итальянском языке: «Во имя Божье! Уйди от нас с миром!» А потом отвернулась, стараясь восстановить дыхание.

По моей лодыжке стекала кровь от свежего укуса, но из-за сутаны никто этого не замечал. Между тем невероятно изумленное тело в ошейнике открыло глаза и, когда они начали привязывать его к столбу, завопило в полном замешательстве: «Что происходит? Помогите мне! Помогите! Что происходит?!»

Я оглядела своих немногословных спутников. Толстые перчатки, длинные рясы, почти никакой возможности для проникновения. Стражник взял углей из жаровни и запалил трут. Тело у столба посмотрело на меня и вдруг выкрикнуло:

– Отец небесный! Помоги мне, молю тебя!

Рука в перчатке тяжело легла мне на плечо и тихий голос спросил по-французски:

– Надеюсь, он не успел прикоснуться к вам, святой отец?

Я посмотрела в глаза за плотно облежавшей лицо красной маской и покачала головой:

– Нет, мое облачение защитило меня.

Глаза подозрительно сощурились, и до меня дошло, что едва ли обладатель моего нового тела мог в совершенстве владеть французским языком.

Библия выпала из моих рук, и когда мужчина в рясе еще только начал поворачиваться, чтобы обратиться к своим товарищам, я сбила с его головы шляпу и сорвала с лица маску, вцепившись одной рукой ему в горло, а другую прижав к его глазам. Он лишь попытался начать сопротивляться, как я уже переключилась, развернувшись, чтобы вонзить локоть в толстое брюхо священника. Мое тело стало высоким, немолодым, но поджарым и крепким. На поясе у меня висел кинжал и пистолет на коротком шнуре, из которого я выстрелила в первого же из мужчин, попытавшегося стрелять в меня. От трута уже занялись дрова в костре, появилось пламя. Повалил черный дым, и тело у столба зашло в истошном крике, но группе в красном было не до него: они задвигались, выхватывая оружие, подавая друг другу сигналы тревоги. И тогда я пригнулась, сложила руки вместе и бросилась головой вперед на ближайшего ко мне мужчину, врезавшись в него и опрокинув наземь. Гроыхнул выстрел, и что-то взорвалось внутри меня, порвав легкое и раздробив кость. Я повалилась назад, чувствуя не столько боль в груди, сколько глубочайший шок, а звук выстрела эхом отдавался у меня в ушах. Мужчина, стрелявший в меня, стоял в каких-то пятнадцати футах и перезаряжал пистолет. Я с трудом поднялась на ноги, ощущая кровь на всем своем теле, и подбежала к нему, на ходу сдергивая перчатку с правой руки, но он успел перезарядить пистолет и произвести новый выстрел.

Удар пули заставил меня описать почти полный пируэт, и, падая, я попыталась схватиться за что угодно, за любой попавшийся под руку предмет, и таким предметом оказался сам стрелок. Мои пальцы разорвали рясу на его груди. Я прикоснулась к его теплой ключице и – о блаженный момент, о благословенное чудо! – совершила новый прыжок в совершенно целое, здоровое тело.

Человек, впившийся пальцами в мою ключицу, больше не смог держаться за нее, замертво повалившись к моим ногам с пробитыми легкими, с разорванной в клочья грудью, с покрытым его собственной кровью лицом.

Теперь уже все кричали, все достали пистолеты и размахивали кинжалами, но в

воцарившейся неразберихе никто точно не знал, в кого ему стрелять. Я повернулась, ища взглядом выход, тот путь, которым меня привели сюда. И когда пламя за моей спиной полыхнуло с яростной силой, бросила пистолет и побежала.

Позади на костре уже бился в агонии человек, когда огонь стал лизать его плоть, а кожа на ногах начала пузыриться и шипеть от жара. Я же продолжала бежать.

В последние годы я, кого мои противники называли фамилией Кеплер, но чье тело, садившееся в автобус, который отправлялся в 07.30 на Братиславу, числилось по документам неким Койлом, старалась делать все как можно более правильно. Хотя нельзя сказать, что это у меня получалось наилучшим образом.

Вот и сейчас в маленькой комнатке маленькой квартирке маленького городка совсем юная девушка со шрамами на руках, очнувшись, сидела в страхе, не понимая, когда она успела навести в своем доме порядок, но готовая продолжать жить все той же жизнью, потому что такая судьба была предначертана только ей и никому другому. Она не понимала, что и как изменилось за какие-то, казалось бы, секунды.

И так было всегда. Последствия моих действий ощущали на себе лишь те, кого я оставляла в своем прошлом.

Автобус трясся по дорогам Словакии мимо крохотных деревень, подсаживая в одной из них старушку, в другой – пару влюбленных подростков, причем на остановке в салон редко входило больше шести-семи человек.

В нужном мне месте официальной остановки не было, но водитель знал, где меня высадить, и притормозил у часовни Святого Христофора, откуда протянулась проселочная дорога, обрамленная по обеим сторонам буками. Почва отсырела и покрылась слизью из подгнивших желтых листьев. Я шла в сторону напоминавшего огромное серое надгробие здания, вокруг которого росла полегшая трава, а рядом виднелась все еще покрытая цветками лилий поверхность пруда. Перед входной дверью располагался давно не используемый, забитый мхом фонтан. Снаружи окна были забраны железными решетками. На деревянной табличке значилось: ПРИЮТ «ДОМИНИКО». ПОЖАЛУЙСТА, ОТМЕТЬТЕСЬ У ДЕЖУРНОЙ.

При коммунистах с душевным здоровьем людей разбирались просто. Подавленность, шизофрения, маниакально-депрессивный синдром, а хуже всего – публичное высказывание взглядов, шедших вразрез с государственными, были всего лишь отражением психического заболевания, и таких людей следовало держать в изоляции от остальных. Болезнь вменялась человеку в вину. Ты, говорило государство, плачешь, сталкиваясь с грубой реальностью этого мира, и думаешь, что умеешь отличать правду от лжи, а стало быть, ты сам навлек на себя болезнь. И должен быть благодарен своей стране даже за ту малую толику сострадания, которую она в состоянии тебе дать.

Мы называем это болезнью, признался мне как-то шепотом один здешний врач, которого я встретила в Вене, но куда легче возложить вину на болезнь, чем обвинить во всем самого человека.

Коммунизм пал, но идеи так просто не исчезают. И я прекрасно знала это, когда несколько лет назад, очистив счета и лишив семьи Хорста Гюблера, привела его тело к дверям приюта и сказала: «Помогите мне, мне кажется, что в меня вселился дьявол».

Дежурная попросила меня представиться.

– Натан Койл, – назвалась я, имитируя канадский акцент. Он мало чем отличался от моего американского выговора, если исключить произношение звука «зэ», но словацкая

матрона за стойкой не разбиралась в подобных тонкостях. – Я племянник мистера Гюблера. И приехал навестить дядюшку.

Казалось, это до глубины души потрясло ее.

– Как же так? – спросила она. – Вы почему-то не сказали нам, что *вы его племянник*, когда в прошлый раз приезжали к нему, мистер Койл!

– Разве я об этом не упомянул? Вот странно! Возможно, мои мысли были слишком заняты другими заботами. Был немного сам не свой. Не напомниме, когда я был у вас прежде?

В досье с фамилией Кеплер на обложке одной из папок есть фото Хорста Гюблера. На снимке изображен мужчина чуть за шестьдесят, сидящий спиной к окну. У него два подбородка: верхний, заостренный и выпяченный вперед; второй – удлиненная жировая складка, провисающая до основания шеи. Прямые, коротко стриженные седые волосы, серые глаза. Крючковатый нос казался бы слишком крупным на лице меньших размеров, но для его черт он был в самый раз. Гюблер не смотрит в камеру, полуобернувшись к невидимому собеседнику. На нем синий больничный халат, и этот человек кажется удивленным, что его застигли здесь, на фоне заката в окне. В другой жизни из него мог бы получиться добродушный дядюшка, подобие вечно раздающего подарки Санта-Клауса, а не сменись обстоятельства, он бы превратился в известного конгрессмена, тайно насилующего девушек. Теперь же он стал тем, чем стал: мужчиной без гроша за душой, без друзей и даже без гражданства, поскольку сам обвинил себя во множестве преступлений, сжег свой американский паспорт, как только пересек границу Словакии. Он раздал свои деньги, распугал друзей и вел себя в полном соответствии с заявлением, сделанным по приходе в приют для умалишенных, – как человек, одержимый бесами.

Меня провели по коридорам, пропахшим дезинфекцией и жареным луком. За массивной дверью, издававшей жужжание при открытии, молча сидел какой-то изгой общества и смотрел по телевизору дневную передачу. Недавнее крупное пожертвование от пожелавшего остаться неизвестным благодетеля помогло приюту создать даже художественную мастерскую – переделать под нее небольшую комнату с широкими окнами, выходящими на север, но вот только она до сих пор оставалась под замком, поскольку даже щедрой дотации не хватило на приобретение материалов для творчества и оплату труда преподавателя.

– Мы хотим, чтобы у наших пациентов появилась возможность для самовыражения, – объяснила мне на ходу матрона. – Это способно помочь кому-то из них вновь обрести себя.

Я лишь улыбнулась, но промолчала.

– Мне это не нравится, – сказал сидевший на стуле одинокий старик в свитере, который был слишком мал даже для его узких плеч. Его нижняя губа была выпячена так далеко, что почти касалась кончика обвислого носа. – Они ничего не понимают. А когда догадаются, – тогда и наступит роковой день. И они явятся сюда, как я и предсказывал.

– Никто не явится, – с улыбкой возразила матрона. – Опять ты несешь свою бессмыслицу.

Еще один проход, небольшая лестница, запертая прочная дверь. А дальше вдоль коридора множество комнат с почти фанерными дверями, большинство из которых стояли нараспашку. Перед каждой палатой на стене располагалась доска для всевозможных бумаг и документов – назначенные лекарства, время посещения врачей, данные измерений давления. У многих, кроме того, там же были прикреплены снимки давно забывших о них семей,

детей, не приезжавших их навещать, домов, которые пациенты уже никогда больше не увидят.

Рядом с дверью Хорста Гюблера никаких фотографий не наблюдалось. Она тоже оказалась приоткрыта, и матрона, постучав для порядка, не стала дожидаться разрешения войти.

Узкая кровать, стол, стул, раковина умывальника. Зеркало из пластика, накрепко привинченное к стене. Окно с решеткой, выходящее на запад в сторону деревьев, покрытых остатками облетевших к зиме красных листьев.

– Хорст, – сказала матрона на своем скверном английском. – Ты только погляди, кто вернулся!

Хорст Гюблер поднялся с единственного в комнате стула, отложил в сторону книгу – какой-то изрядно потрепанный дешевый детектив – и посмотрел на меня. Потом протянул руку с кривыми пальцами и сказал, заикаясь:

– Р-р-рад с ва-вами познакомиться.

– Ты должен помнить мистера Койла, – упрекнула его матрона. – Он ведь приезжал к тебе всего пять недель назад.

– Да, да, конечно.

Мистер Койл не мог не приезжать. Раз матрона так говорит, значит, приезжал.

– Я на-надеялся... – Он снова запнулся на слове, но потом его взгляд приобрел неожиданную уверенность в себе, и он закончил фразу: – Что вы из посольства.

– Ах, Хорст, Хорст... – Печального покачивания головы матроны оказалось достаточно, чтобы взгляд Гюблера снова уперся в пол. – Мы ведь уже все с тобой обсудили.

– Да, сестра.

– А мистер Гюблер, как видно, все еще не может запомнить простых вещей, верно?

– Да, сестра.

Она повернулась ко мне, хотя ее слова словно предназначались для более широкой аудитории:

– Это типично для пациентов с такого рода психическими расстройствами – казаться совершенно нормальными при встрече, но почти сразу впадать в амнезию. Навязчивая идея мистера Гюблера – вера в одержимость дьяволом – достаточно хорошо изучена медициной и, к счастью, на Западе теперь распространена значительно меньше, чем прежде. – Она радостно просияла, и из глубин ее обширной груди даже донесся легкий смешок, чтобы усилить эффект сказанного. – Сейчас дела уже обстоят намного лучше. Так мы считаем.

Я рассмеялась, потому что рассмеялась она, а потом всмотрелась в Гюблера, который стоял совершенно неподвижно с опущенной головой и сложенными впереди руками, но ничего не говорил. Потом он сел на край постели и вцепился в нее, словно боясь в любой момент упасть.

Когда матрона вышла, я закрыла дверь и села на стул напротив Гюблера, изучая его лицо. Как ни странно, но оно казалось незнакомым. А ведь прежде я неделями видела его в зеркалах, отпустила на нем неопрятную бородку, которая скорее размывала, чем подчеркивала его черты. И все же, даже когда я царапала это лицо в наказание, стараясь низвести Хорста Гюблера до животного состояния, я замечала остатки гордости в его глазах, кривую усмешку на губах, стереть которую, казалось, не способно ничто. Я так долго видела перед собой отражение этого лица, что стала его ненавидеть. Главным образом за то, что, вопреки моим неустанным усилиям унижить этого человека, в нем все равно то и дело проглядывала наглая дерзость того, кому слишком многое сошло с рук. Но теперь с этим

было покончено.

Я делала все, чтобы уничтожить осмысленность в его взгляде, но лишь в самом конце, когда стояла перед незнакомцем в дверях психушки в далекой стране и произнесла наконец истину: «Я одержим дьяволом», – мне удалось добиться успеха. Передо мной сейчас было лицо сломленного человека. Моя миссия завершилась.

– Привет, мистер Гюблер! – сказала я.

– П-привет, – промямлил он, не поднимая головы и не глядя на меня.

– Вы меня помните?

– Да, мистер Койл. У меня значительно улучшилась память. Вы приезжали сюда со своим па-партнером.

– Ах да, с партнером. Но простите, у меня много партнеров. Не припомните, с кем именно я навещал вас?

У него что-то загорелось в глазах, потому что он явно воспринял это как тест, как проверку работы сознания и не хотел провалить испытание.

– Элис. Ее звали Элис.

Я улыбнулась и едва заметно подвинулась на край стула, чтобы оказаться ближе к нему. Он же слегка отстранился, склонив голову набок.

– Вы хорошо запомнили, о чем мы с вами беседовали, мистер Гюблер? В последний раз, когда я навещал вас. – Он ответил угрюмым кивком. – Можете пересказать наш разговор?

– Вы хотели узнать историю моей ж-жизни. Но это был нервный срыв, – добавил он, повысив голос, чтобы подчеркнуть смысл сказанного. – Я вовсе не был одержим. Со мной случился припадок, вызванный стрессом из-за ситуации в семье и на работе.

– Совершенно верно, – поддержала его я. – Помню ваш рассказ очень живо. С чего, вы говорите, все началось? К вам прикоснулась какая-то женщина. Темнокожая, в синем платье. Она пожала вам руку, а потом вы очнулись...

– Уже здесь. – Его голос перешел почти в шепот: – Очнулся... Уже здесь.

– Все верно. – Я склонилась еще ближе, сжав ладони между коленями. – А что еще вы нам поведали? О своей одержимости?

– Нет, не было никакой одержимости. Не было и в помине.

– Но ведь мы разговаривали о чем-то другом, – пробормотала я. – Когда вы очнулись здесь, вас держал за руку доктор. Вы посмотрели на него, а что сделал он?

– Я не одержимый, – резко повторил он. Костяшки его пальцев побелели от того, с какой силой он вцепился в край кровати, спина изогнулась, челюсть отвисла. – Не одержимый!

– Вы рассказывали нам с Элис о докторе? Рассказывали, как он вам улыбался?

– Он улыбнулся, потому что был рад видеть меня. Улыбнулся, чтобы начать мое лечение.

– Вы называли нам имя того доктора? – Теперь я придвинулась к Гюблеру почти вплотную, мои колени касались его коленей, пальцами я могла в любой момент взяться за его пальцы. Но как только я сделала жест рукой, он дернулся прочь от меня, спрыгнул с кровати и встал, прижавшись к стене.

– Не трогайте меня! – взвизгнул он. – Ублюдок несчастный! Не смейте ко мне прикасаться, мать вашу!

Я откинулась на спинку стула, подняв руки ладонями вверх, успокаивая его.

– Все хорошо, – тихо сказала я. – Я не собираюсь прикасаться к вам. Никто вас не тронет.

Слезы скопились на нижних веках его покрасневших глаз, готовые сорваться вниз, его

дыхание участилось, тело вжималось в стену, чтобы находиться как можно дальше от меня.

– Доктор забыл, – прошептал он, а потом его речь сделалась быстрой, ясной и совершенно разумной. – Доктор потом совершенно забыл, что прикасался ко мне. Как вы это объясните? Как такое могло произойти? – Его взгляд уперся в меня, и на мгновение я заметила ту жесткость в глазах, что порой виделась мне в зеркалах, оживавшая, несмотря на все успокоительные средства. – Вы в прошлый раз сказали, что все поняли. Она держала фотоаппарат, а вы сказали, что все поняли. Что вы мне верите. Вы мне солгали? Вы, черт вас возьми, играли со мной?

– Нет, – ответила я.

– Вы мне солгали, мать вашу так?!

– Нет. Не солгал.

– Тогда, быть может... Вы издеваетесь надо мной? Делаете из меня посмешище?

– Ни в коем случае.

– Я жду уже долгие годы. Друзья, посольство... Это все сплошь проститутки. Девки продажные. Все говорят, что мое дело никак не могут рассмотреть, что в судах завал работы. Вы обещали помочь. Чего вы еще от меня хотите?

– Всего, – выдохнула я. – Расскажите все, что запомнили обо мне и об Элис. Вспомните, о чем говорил я и о чем она. Какая была на нас одежда? На каком языке я говорил? На словацком? Как выглядела Элис – уставшей, счастливой, печальной, молодой, пожилой?

– Но зачем?

Я бросила взгляд себе под ноги, а потом размяла кончики пальцев и поднялась со стула. Задвинула стул под стол, провела рукой по волосам, а потом села на пол рядом с ним, достаточно близко, чтобы очень осторожно положить ладонь на его брючину, чувствуя под ней тепло его лодыжки. Затем я медленно и глубоко вздохнула и посмотрела ему прямо в глаза.

Наши взгляды снова встретились, но впервые с тех пор, как я зашла в комнату, он узнал *меня*.

Мои пальцы сжали его ногу, вдавившись в обнаженную кожу.

– А как вы сами думаете, зачем? – спросила я.

Вечер в Братиславе. Компьютер в кафе, вкус отвратного кофе во рту, сумки Койла под моим креслом.

На адрес, который я создала уже целую вечность тому назад, но так и не удалила, пришло электронное письмо от персоны, величавшей себя Сперматозавром 13. Времена менялись, но не менялся Йоханнес Шварб.

Подробный отчет о паспортах, найденных у Натана Койла. Все в полном порядке, исключая турецкий. Его владельца теперь объявила в розыск полиция Стамбула. Этого человека подозревали в убийстве женщины на станции метро «Таксим». Под этим же именем он взял напрокат машину, чтобы спастись бегством. И за ночь добрался до Эдирне. Я сделала заметку в памяти, что надо уничтожить турецкий паспорт, и начала писать ответ. Но Сперматозавр 13 словно вечно сидел в Сети, и едва я успела отправить пару слов, как он прислал новый текст.

Последовал банальный обмен приветствиями и любезностями, смайликами и прочими эмоджонами^[4], которые в значительной степени заменяли Йоханнесу обычный язык, пока не дошло до дела:

Кристина 636: Мне нужно, чтобы ты еще кое-что для меня проверил.

Сперматозавр 13: Сделаю. Что именно?

Кристина 636: Регистрационный номер машины. Ею могли управлять два человека. Либо мужчина, которого зовут Натан Койл, либо дама – Элис Уайт. Они посетили психиатрическую лечебницу в Словакии, записались в книге посетителей и оставили номер машины, на которой приехали. Один из пациентов дал описание внешности женщины. Возраст от 29 до 35 лет, короткие светлые волосы, стройная, белокожая, глаза голубые. Сможешь порыскать в базах данных?

Сперматозавр 13: Как делать нечего!

Кристина 636: Еще один вопрос. Имя Галилео тебе о чем-нибудь говорит?

Сперматозавр 13: Белый мужчина. Правда, умер давненько.

Кристина 636: Я получила два имени или названия – Галилео и Санта-Роза.

Сперматозавр 13: Никакой информацией пока не располагаю.

Кристина 636: Ладно. Проехали. И спасибо за все.

Братислава после наступления ночи.

Небо постепенно приобретало цвет синяка двухдневной давности, и лишь узкая полоска солнца пыталась прочертить горизонт на западе, пробивая обещающие проливной дождь тучи. Я не бывала в Братиславе уже много десятилетий. Десять красивых улиц в центре, замок на холме, а помимо этого – троллейбусы и обилие невзрачной архитектуры. На осмотр этого города большинству туристов с лихвой хватало двух дней. Час от Вены на теплоходе. Примерно столько же поездом мимо заливных лугов, а потому в этой новоявленной столице независимого государства трудно было избавиться от постоянного ощущения, что совсем рядом расположено нечто гораздо более привлекательное.

В интернет-кафе, откуда я выходила на связь с Йоханнесом, подавали не вызывавшие аппетита пирожные, успевшие слегка зачерстветь по краям. Площадь перед ним была залита холодным белым светом, падавшим на серую мостовую, а когда начался сильный дождь, в сточных канавах засверкали и забурлили потоки воды, устремляясь в низину к реке.

Выйдя из кафе под ливень, я пожалела, что не запаслась заодно и чем-нибудь непромокаемым еще в Стамбуле, когда меняла гардероб под тело Натана Койла. Хотя у меня нашлось оправдание: в те суматошные минуты я еще понятия не имела, долго ли буду обитать в нем.

Я бросилась бежать прямо под дождем, выстукивавшим чечетку на покатых крышах домов и гремевшим в полостях алюминиевых водосточных труб. С носов и подбородков величавых статуй, украшавших соборы, всюду капало. По крыльям ангелов уже струились настоящие водопады, разбивавшиеся о деревянные двери средневековых церквей. Рога троллейбусов высекали из проводов крупные белые искры, когда электрическим машинам приходилось совершать повороты на отсыревшей мостовой, а все четыре башни замка на холме совершенно растворились в желтом прямоугольнике марева подсветки, нависшей над искаженными темнотой очертаниями города.

Я бежала внасквозь промокших брюках, мой желудок был пуст, а по спине меня била сумка с чужими тайнами. Мимо порой мелькали темные силуэты мужчин в плащах, натянутых на головы, отчаянно пытавшихся поймать такси, и женщин с зонтами, вывернутыми ветром наизнанку, с волосами, прилипшими к их замерзшим бледным лицам; юных девиц, чьи туфли на высоких каблуках, непригодные для быстрой ходьбы, затрудняли им попытки преодолеть ручьи, бежавшие по тротуарам. В моих собственных пальцах сейчас ощущался зуд, а кожу на лице стянуло от холода. Мне в глаза бросилась женщина с красивыми черными волосами, ниспадавшими до середины спины. Ее плечи были обнажены и замерзли до посинения, потому что она уже стянула прикрывавший их прежде легкий жакет и на ходу переодевалась во что-то более теплое. Ее сопровождал мужчина, она еще явно ощущала привкус шоколада во рту и казалась очень красивой, а ее жизнь – поистине завидной, потому что сегодня вечером она поужинала с человеком, которого любила и который любил ее. И когда дождь прекратится, они будут стоять на балконе – наверняка в ее квартире есть балкон – и смотреть сквозь холодный ночной воздух на реку, не нуждаясь ни в каких словах.

Она отвернулась, а я побежала дальше – чужая жизнь всегда кажется интереснее и счастливее, чем твоя собственная, верно?

Мой отель был типичным приютом для туристов, расположенным прямо на берегу реки. Прямо над ее течением, в выступе с подсвеченной светодиодными лентами балюстрадой, находился бар, и отсюда по округе разносился звон бокалов. Стены в фойе украшали виды Братиславы, старые портреты давно умерших князей и королей. Клерк за стойкой владел пятью языками, причем на всех общался свободно, с улыбкой. Когда я сунула ключ-карточку в замок номера, дверь беззвучно открылась. В комнате оказалось даже слишком тепло, а в воздухе витал аромат кондиционера для белья.

Я приняла ванну. Погрузившись глубоко в воду, пальцами пробежалась по отметинам на теле, оставленным прожитой не мною жизнью. На левой руке, куда много лет назад сделали укол БЦЖ^[5], остался маленький белый след. Я помню времена, когда почти у каждого имелось пятно прививки от оспы. Теперь – лишь небольшая точка на месте, куда ввели вакцину. Еще один едва заметный шрам пробежал между большим и указательным пальцами правой руки. Но настоящий шрам-чемпион я обнаружила под грудной клеткой – все еще розовеющий зигзаг, надрез, оставленный уверенной рукой, отчетливо заметный даже на наросшей с тех пор коже. Я провела по нему пальцем, ощущая утолщение рубца. Нож – догадалась я. Сначала впился в бок, а потом рассек живот. Рана давно зажила, и мне пришлось отдать Натану Койлу должное: он сумел полностью восстановить функциональность вспоротых мышц и даже развил их, хотя шрам остался, как кучка шлака поверх уже опустошенной шахты.

Хорст Гюблер узнал Койла, и это было хорошо. Одолженное мною лицо оказалось хоть для чего-то полезным.

А что еще важнее, я получила новое имя его партнера или, скорее, партнерши. Еще один объект для поиска. Я не торопилась пока перебирать лица тех, с кем сталкивалась на жизненном пути, но как только почувствую, что таким путем можно выйти на след людей, заказавших мою смерть или смерть Жозефины, процесс придется ускорить.

И если это тело, по руке которого стекала сейчас горячая вода, приятно согревая замерзшие большие пальцы ног, погибнет при этом... Что ж, так тому и быть. Не моя забота.

Воспоминания о призраках.

Анна Мария Селеста Джонс, сидящая с прямой спиной и взглядом, устремленным перед собой. Меня носили на себе. Как кожу. Так она сказала.

Красота трудно поддается измерению. Я сама однажды была моделью с длинной шеей и золотистыми волосами. Мои губы имели яркий живой блеск, огромные глаза сияли, кожа отливала шелком. В том теле я довольно скоро обнаружила, как тяжело ходить в узких туфельках на высоченных каблуках. Меня просто выводило из себя, насколько быстро теряла свой лоск кожа, если не соблюдать режим, отнимавший совершенно невероятное количество времени. Весь объем моей прически пропал после первого же мытья головы, а губы поблекли и утратили свежесть уже через день. И я прожила в роли модели с роскошными формами не более недели, а потом постоянное раздражение от необходимости уделять внешности непомерно много внимания привело меня к решению избрать что-нибудь попроще.

Настоящая красота заключается не в глазах, не в руках, не в завитках волос. Мне доводилось видеть стариков в белых рубашках с согбенными спинами, чьи глаза наблюдали за прохожими, – в их все понимающих улыбках заключалось больше красоты, больше лучшей сиянием души, чем в самом соблазнительном теле. Я как-то повстречала нищего с прекрасной осанкой и бородой, спускающейся на грудь, в зеленых глазах и седеющих волосах которого было столько привлекательности, что мне захотелось присвоить хотя бы часть ее себе. Облачиться в лохмотья и бродить с видом никем не узnanного величавого властителя по улицам города. А еще та крошечная женщина ростом четыре фута и восемь дюймов, казавшаяся сплошь состоявшей из пурпура и жемчугов. Располневшая мамаша, чья задница с трудом помещалась в джинсы, а голос скрипел, когда она проходила мимо рядов полок в супермаркете. Я побывала ими всеми, и все они при взгляде в зеркало казались мне красивыми.

В 1798 году на берегу Красного моря я впервые открыла важную, хотя и простую истину: я со своей способностью перемещаться из тела в тело, из одной жизни в другую была далеко не единственной.

Меня звали Абдул аль-Муаллим аль-Нинови, и я избрала не ту сторону. Или, вероятно, будет точнее сказать, что не та сторона избрала меня.

Я прибыла в Каир в 1792 году, когда пала власть Оттоманской империи и в Египте правил тот мамелюк, у которого на данный момент меч оказывался острее, чем у других. Абдул аль-Муаллим аль-Нинови принадлежал к числу тех людей, кто мог себе позволить жить вдали от городской вони в белоснежной усадьбе, где во дворе били освежающие струи фонтанов, и содержать трех жен, одну из которых я всей душой полюбила. Ее звали Айеша бинт-Камаль, и она обожала песни, вино, поэзию, собак и астрономию. В совсем юном возрасте ее поспешил выдать замуж за небольшое вознаграждение ее отец, который понимал увлечение вином и собаками, но не одобрял всего остального.

Я встретила ее в бане, где выступала в образе уважаемой вдовы, достаточно молодой, чтобы ощущать себя здоровой физически, но уже в том возрасте, который избавлял меня от слишком навязчивых ухаживаний охотников за моими деньгами. В окутанном паром женском зале, вдали от ушей мужчин, мы с ней много разговаривали и смеялись. Когда же я поинтересовалась ее положением в обществе, она сдвинула тщательно выщипанные брови, нахмурилась и ответила: «Я – младшая жена Абдула аль-Муаллима аль-Нинови. Он продает зерно туркам, хлопок – грекам, а рабов – кому угодно. Он великий и влиятельный человек. Я была бы вообще никем, если бы не принадлежала ему».

Ее слова звучали ровно и гладко, подобно камням, на которых мы сидели, а на следующий день я уже перевоплотилась в мальчика-слугу, который покупал для аль-Муаллима хлеб и был слишком незначителен, чтобы кто-то обращал на него внимание. Еще пять дней спустя, собрав достаточно информации для исполнения новой роли, я стала самим аль-Муаллимом: немного располневшим к своим сорока с лишним годам мужчиной с великолепной бородой, требовавшей постоянного ухода, и слишком длинными ногтями, которые я распорядилась сразу же подрезать.

Естественным образом после внедрения я принялась вносить изменения в жизнь своего дома. Продала некоторых рабов, наняла новых слуг. Появлявшимся на пороге друзьям, с которыми я не была знакома, вежливо отказывали в гостеприимстве, заявляя, что хозяин болен. И скоро опасения заразиться чумой отпугнули от меня даже самых близких приятелей. Никто больше не являлся ко мне, исключая одного из двоюродных братьев, который надеялся (и наверняка горячо молил об этом Аллаха), что болезнь унесет меня в могилу, оставив ему сундуки, набитые золотом.

Из двух моих старших жен одна была совершеннейшей ведьмой. Узнав, что у нее в Медине живет сестра, я рекомендовала ей совершить туда паломничество – ради оздоровления души и тела, – за которое, разумеется, высказала желание заплатить. Средняя жена оказалась куда как более приятной в общении, но всего нескольких дней хватило, чтобы она заподозрила, что ее муж странным образом изменился, и ей тоже было предложено паломничество в далекие края на хромом верблюде.

Обе возненавидели эту перспективу сильнее, чем ненавидели друг друга, но ведь я была хозяином дома, великим повелителем, и мне следовало беспрекословно подчиняться. Вечером накануне отъезда старшая жена явилась в мои покои и устроила грандиозный скандал. Она кричала на меня, рвала на мне одежду, но, увидев, что это меня нимало не

тронуло, принялась рвать в клочья свое платье, царапать себе лицо, пучками вырывать волосы из головы, не прекращая орать:

– Чудовище! Чудовище! Ты клялся в любви ко мне, заставил поверить, что действительно любишь, но всегда оставался чудовищем!

– Моя дорогая, – отвечала я, – если это и в самом деле так, то разве не станешь ты счастливее, покинув этот дом?

При этих словах она окончательно сорвала с себя наряд, обнажив тело, хорошо сохранившееся для ее возраста, откормленное, но без излишеств, удобное, как подушка, и белое, как летнее облако.

– Разве я не красива? – воскликнула она. – Разве я не желанна для тебя?

Когда утром я провожала ее, она даже не взглянула в мою сторону.

Уладив подобным образом большинство своих дел, я перебралась со всем своим оставшимся хозяйством и прислугой в особняк, стоявший у самой воды, и в первый же вечер пригласила Айешу отужинать со мной. Увы, в первые несколько недель я не смогла обнаружить в ней ничего от той утонченной женщины, с которой познакомилась в бане, и уже начала сомневаться, не совершила ли ужасную ошибку, покинув тело состоятельной вдовы. Айеша избегала моего взгляда, на все вопросы отвечала односложно, всем своим видом демонстрируя такую холодность ко мне, что и для меня ее прежняя красота несколько померкла. Но я продолжала ухаживать за ней с терпением и нежностью недавно влюбленного, хотя не видела в ней перемен до того, как однажды вечером мы сели ужинать и она вдруг сказала:

– Ты очень изменился, мой супруг.

– Тебе нравится перемена во мне?

Она долго молчала. Потом ответила:

– Я любила мужчину, за которого вышла замуж, до сих пор уважаю его и каждый день возношу молитвы за его душу. Но должна признаться, мне больше по нраву тот, кого я вижу перед собой сейчас. Мне хорошо рядом с ним, и я хочу, чтобы это продолжалось как можно дольше.

– Почему же ты вышла за меня замуж, когда я был другим?

– Из-за денег, – бесхитростно ответила она. – За меня дали выкуп, но он не может служить источником дохода. Ты имеешь доход. Ты обладаешь престижем. Твое имя всеми уважаемо. И если бы у тебя не было чего-то одного, две других части твоей личности принесли бы тебе недостающую третью. У моей же семьи нет ничего. Своим союзом с тобой я обеспечиваю их существование.

– Понимаю, – пробормотала я, но, не уверенная, как сам аль-Муаллим отреагировал бы на ее слова, решила промолчать.

Но моя сдержанность не испугала Айешу, а, напротив, вызвала улыбку. Она впервые всмотрелась в мое лицо, и у меня вдруг участилось сердцебиение. А потом жестом, почти невыносимым за традиционным восточным ужином, она протянула руку и коснулась моей руки.

– Ты и в самом деле ничего не помнишь, – почти выдохнула она, но ни в чем меня не обвиняла, а просто показала, что уже все для себя открыла, что-то поняла.

На мгновение мною овладела паника. А она продолжала сидеть, положив пальцы на мою ладонь. Когда на закате мы стояли рядом на берегу реки, я сказала:

– Мне необходимо поговорить с тобой. Есть нечто важное, что ты могла понять

превратно. А быть может, и не поймешь вовсе.

– Не надо ничего мне рассказывать, – ответила она так резко, что я даже вздрогнула. Поняв, что испугала меня, она добавила: – Мне не нужна правда.

– Но почему ты не хочешь знать все?

– Я связана с тобой священной клятвой. Мне суждено уважать тебя и быть покорной. И пока я исполняю этот долг искренне, моя душа чиста. Хотя только в последние месяцы исполнение долга стало приносить мне радость. Только с... Только в эти последние месяцы. А потому не произноси слов, способных испортить чувство, возникшее между нами. Я не хочу услышать, кто ты на самом деле. Не губи этого прекрасного мгновения.

И я ничего больше не сказала. Она была моей женой, я была ее мужем, и это все, что мы хотели знать.

Шесть лет потом мы с моей женой жили в мире и богатстве – пшеница, хлопок и рабы всегда оставались прибыльными товарами. И недомолвка между нами могла со временем даже полностью забыться, если бы в Каир не пришли французы. Когда гнев египтян против своих удивительно сдержанных поначалу оккупантов достиг пика, к моей двери явились заговорщики с просьбой употребить мое влияние, чтобы снабдить их оружием и деньгами. На это я ответила вежливым отказом.

– Но ведь твой город оказался под властью неверных! – восклицали они. – Ты думаешь, французы не явятся, чтобы изнасиловать твою жену?

– А что? – спросила я. – Ваших они уже изнасиловали?

Они ушли, бормоча угрозы в мой адрес, но потом снова навестили меня, и опять с тем же результатом. Вот только их визиты ко мне не остались незамеченными. И когда начался бунт, загрохотали пушки, разрывая небо, а Наполеон лично приказал снести стены Великой мечети и вырезать всех – мужчин, женщин и детей, – кто нашел убежище внутри ее, мое имя уже звучало на улицах Каира среди имен тех, кому суждено было стать следующими жертвами кровавой бойни.

Тот самый мальчик, чьим телом я когда-то воспользовалась, чтобы изнутри узнать образ жизни аль-Муаллима, прибежал ко мне. Теперь он уже превратился в молодого человека.

– Хозяин! – воскликнул он. – Французы скоро придут за вами!

Моя жена стояла рядом со мной, спокойная и молчаливая.

– Что мне делать? – спросила я. Я задавала этот вопрос вполне серьезно, потому что перевоплотиться в щеголеватого французского офицера было бы легче всего, но тогда в один момент, за один вдох, за секунду, которая требовалась для перехода, я закончила бы для себя все, потеряла бы то, ради чего жила так долго. – Как мне поступить?

– Аль-Муаллима не должны найти в этом городе, – ответила она и впервые за шесть лет смотрела на меня, а обращалась к моему прошлому телу. – Если ты останешься, французы арестуют и расстреляют тебя. На реке есть корабли, а у тебя – деньги. Уезжай.

– Я мог бы вернуться...

– Аль-Муаллима не должны найти, – повторила она, и нотка злости прозвучала в ее голосе. – Мой муж слишком горд и ленив, чтобы сбежать.

Никогда прежде не говорила она так прямо о том, кем я была на самом деле. И хотя ее пальцы переплелись с моими, а дыхание смешивалось с моим дыханием, она видела мое тело уже в каком-то другом месте.

– А что будет с тобой?

– Бонапарт даже сейчас еще хочет показать, насколько он справедлив. По всему городу развешаны плакаты, призывающие оставить веру в Ибрагима или Магомета и поверить в того, кто правит империями и возвеличивает людей.

– Меня мало вдохновляют подобные призывы.

– Он не позволит своим солдатам убить вдову. Наши слуги, богатство и влиятельные друзья защитят меня.

– Или превратят в мишень.

– Я буду оставаться в опасности, пока здесь аль-Муаллим, – твердила она, и жилы на ее горле напряглись, когда она сдерживалась, чтобы не перейти на крик. – Если ты любишь меня так сильно, как мне кажется, то должен уехать.

– Поедем со мной.

– Только твое присутствие создает для меня здесь угрозу. Ты... кто ты есть на самом деле, подвергаешь меня опасности. И если любишь меня, не дашь причинить мне вред.

– Я смогу защитить тебя.

– Сможешь? – снова резко спросила она. – В таком случае возникнет вопрос: кто ты такой? Потому что мой муж не стал бы меня защищать. Не попытался бы, даже если бы действительно любил. А когда все закончится, возможно, ты мог бы вернуться в каком-то другом образе.

– Я – твой муж...

– А я – твоя жена, – подхватила она, – хотя прежде ни одному из нас не приходилось говорить об этом.

Айеша бинт-Камаль.

Она стояла на берегу реки, положив одну руку на живот, в голубом шарфе, повязанном на голову, с прямой осанкой. Рядом с ней плакал мальчик-слуга.

Я покинула Каир под грохот пушек неверных. Мне всегда удавалось уезжать вовремя. В этом я достигла совершенства.

В 1798 году на берегах Нила я жила в теле человека, чья судьба стала мне полностью безразлична. Воды реки разливались так далеко, покрывая высокую траву, что легко было поверить, будто вода безгранична и покрывает всю Землю.

Я увела аль-Муаллима на юг, как можно дальше от того места, где в тени пирамид французы сражались с кавалерией мамелюков. Мое тело стало тощим, ногти начали желтеть, и я готова была бросить его сразу же – настолько отвратителен мне стал этот уже наполовину труп. Но я помнила обещание, которое дала его жене, мою клятву сохранить жизнь ее мужу, а потому, стиснув зубы и сжав кулаки, продолжала идти вперед.

И хотя французы и близко не подошли к верховьям Нила, даже здесь их «зверства» проклинали имамы с катарактами на глазах, вопившие: «Неверные! Неверные! Они убивают нас! Они уничтожают Египет!» И чем дальше я уходила от Каира, тем более дикими становились слухи. Город сожжен, город разрушен до основания. Каждую женщину изнасиловали, а детишек убивали прямо на ступенях мечетей. Уже скоро я перестала даже пытаться оспаривать эти безумные рассказы, потому что моя правдивость только делала меня предателем в глазах тех, кто собирал в пустыне силы для джихада.

Я направилась к прибрежным горам Судана и через какое-то время вышла к Красному морю в том месте, где на противоположном берегу смутно виднелась Джедда. Там меня настигли новости о крупном морском сражении, проигранном Наполеоном, и, глядя на море, я решила наконец на долгожданную перемену.

Вдоль западного побережья Красного моря в то время располагалось всего несколько портовых городов, но многочисленные битвы в пустыне и хаос, воцарившийся в дельте Нила, где адмирал Нельсон потопил почти весь французский флот, вызвали оживление среди владельцев небольших рыболовных суденышек и почти откровенно пиратских фелюг с косыми парусами. Они очень хорошо зарабатывали на краже военных трофеев, с которыми направлялись потом караванами в сторону Средиземного моря. Мое особое внимание привлекла старинная шхуна, давно отжившая свой морской век. Ее капитаном был выходец из суданского племени динка с огромной саблей за поясом и двумя пистолетами, которые он, как опытный корсар, носил скрещенными с помощью ремней на груди. Такой пестрой этнической смеси, какую являл собой его экипаж, я не встречала больше нигде: от старшего помощника из Генуи до лоцмана из Малайзии. Они общались между собой на очень плохом арабском языке, мало-мальски сносном голландском, но более всего использовали далеко не всегда приличную жестикуляцию. Меня же, однако, более всех остальных заинтересовал единственный пассажир, которого они взяли с собой в плавание до Индии. Я впервые заметила его молча стоявшим на носу судна, обернутым в черный плащ и смотревшим на воду.

На вид ему едва минуло двадцать лет. Высокий, стройный, с безукоризненной кожей цвета эбенового дерева, с хорошо развитой мускулатурой и курчавыми черными волосами. Причем держался он отстраненно и надменно, словно какой-нибудь принц, и осторожные расспросы членов команды шхуны помогли мне выяснить, что он и был принцем – членом королевской семьи Нубии, направленным в Индию с дипломатической миссией.

– Его кто-нибудь знает? – выпрашивала я. – С ним путешествуют другие члены семьи или, быть может, слуги или рабы?

Нет, о нем ничего не было известно, кроме слухов, а на корабль он явился совершенно один, но с карманами, набитыми деньгами. Его личность представлялась загадочной, а история его жизни – таинственной вдвойне. Приняв все это к сведению, я, все еще находившаяся в теле аль-Муаллима, проследила за ним в ночь перед отплытием, когда он отправился в небольшой приморский городок. Я шла позади него мимо покосившихся глинобитных хижин по вившимся между скалами улочкам, а потом вытянула руку, чтобы коснуться его руки. Но стоило мне податься вперед для решающего действия, как в моей голове словно закричали летучие мыши-вампиры, тонкие кровеносные сосуды у меня за ушами полопались, язык ощутил привкус металла во рту, а сама я повалилась на спину, задыхаясь, как от непомерного усилия. А красавец принц повернул ко мне лицо, в котором тоже теперь не было ни кровинки, и на безукоризненном арабском языке воскликнул:

– Что, *черт вас возьми*, вы собирались сделать?!

Беспокойный сон, тревожные воспоминания в безликом номере отеля в... Где именно? В Братиславе. Что, скажите мне, ради всего святого, я делаю в Братиславе?

Сплю прямо на листах из досье некой неизвестной личности по фамилии Кеплер. Страницы, разложенные на постели, когда я верчусь, оборачиваются вокруг убийцы, которого зовут Натан Койл. Я сожгла турецкий паспорт, а пепел спустила в унитаз, потому что с самого начала знала, что однажды мне придется расстаться с этим образом, с одной из его ипостасей по крайней мере.

А этой ночью мне пришла мысль и нанесла удар с силой, заставившей меня сесть на кровати, мгновенно проснувшись.

У турецких властей не было оснований искать меня по британскому, канадскому или немецкому паспорту, но только потому, что они не подозревали ни о них, ни об именах, в них указанных. Зато коллегам Койла, кем бы они ни были, наверняка известны все фамилии, какими он мог пользоваться.

Лихорадочная работа мысли в четыре часа утра. Свет с улицы желтым прямоугольником лежит на потолке, повторяя форму окна. Остальная часть комнаты кажется темно-синей в тон не до конца погруженному во мрак городу.

Я ведь была осторожна – предельно осторожна. Избегала служб безопасности, пересекая границы в тихих местах, и очень быстро. Если только кого-то не заинтересовали мои документы по особым причинам. Йоханнес подтвердил, что турецкий паспорт никуда не годится, и я от него избавилась. Но на волне излишней уверенности в себе позволила при размещении в этом отеле отсканировать мой немецкий паспорт. Достаточно этого, чтобы выдать себя?

Пограничники в поездах проверяли документы лишь поверхностно. В отелях с паспортов делали копии для архива, а не для немедленного поиска по базам данных или обращения в полицию. И если бы я просто стремилась не попадать в поле зрения местных властей, моих предосторожностей оказалось бы достаточно.

Но на самом деле пряталась я не от полиции. Те, что нарекли меня фамилией Кеплер, не знали преград в виде границ и не уважали частной жизни постояльцев гостиниц. И пусть этой ночью я еще могла не особенно волноваться, расплатившись за номер наличными, если кто-то провел по-настоящему серьезный поиск, то наверняка при подобных обстоятельствах местонахождение тела Натана Койла стало уже известно.

* * *

Половина пятого утра. Лицо в зеркале, серое при свете лампы дневного света. Я носила лица получше, носила и похуже. Со временем я даже могла бы привыкнуть к этой внешности, но, сколько ни изучай лицо, ответов на насущные для тебя вопросы все равно не получишь. Взгляд тяжелый, но линия рта слегка безвольная, а шрамы на теле свидетельствуют, что его законный хозяин не со всеми умеет подружиться и найти общий язык. Между прочим, эти морщины на лбу... они его или мои собственные?

Я быстро собрала вещи, спрятала наручники во внешний карман куртки, ключ от них – во внутренний. И вышла в город. Нет покоя нам, нечестивым грешникам.

Она называет себя Янусом.

На берегу Красного моря это она носила тело отпрыска королевской семьи Нубии, и, когда я попыталась внедриться в столь желанную чужую собственность, мы обе долго ощущали потом нечто вроде тяжелого похмелья.

Более чем через сто пятьдесят лет она явилась ко мне в теле семнадцатилетней девушки и сказала:

– Ищу, в кого бы переселиться.

Я назначила ей встречу в баре на Восточной Двадцать шестой улице. На ее лице лежал красивый солнечный загар, что производило приятное впечатление, поскольку в насквозь промокшем от дождей Чикаго 1961 года красные щеки были только у тех, кто злоупотреблял водкой или слишком долго находился на ветру.

Бар был удобен для деловых и конфиденциальных встреч. Мужчина с седеющей бородкой и поредевшей шевелюрой, который хозяйничал сейчас за стойкой бара, протирая до блеска бокал, в свое время стоял за той же длинной стойкой, протирая чашки из-под якобы кофе, готовый, что к нему в любой момент могут ворваться копы, а клиенты разбегутся кто куда. И он по-прежнему владел этим тихим заведением, одним из немногих, уцелевших до бурных шестидесятых, и по-прежнему по привычке держал лучшие напитки в запертом шкафчике под стойкой.

Янус носила все синее. Я носила тело Паттерсона Уэйна, бизнесмена из Джорджии. Заняла его через день после того, как он тайно продал все свое имущество, обратив его в чемодан с наличными, то есть за день до банкротства его компании, которое лишило работы сорок семь человек, а еще шестьдесят три оставило без пенсионных накоплений. Он был здоров и находился в том возрасте, когда молодежь тебя уважает, а старики завидуют.

– Но не хочу, чтобы ты заблуждалась, – сказала она. – Я абсолютно божественна. Ты успела прикоснуться к моей коже? Чистейший шелк! А цвет лица? Ты хоть поняла, что на мне нет ни грамма косметики? Она мне без надобности! Это нечто потрясающее.

У нее действительно была нежнейшая кожа, и хотя она, по всей вероятности, могла считаться единственной особой женского пола во всем Чикаго, не украшавшей своего лица причудливыми тонами по моде шестидесятых, это только привлекало к ней взгляды как к чему-то новому и необычному.

– Есть только одна проблема, – зашептала она, склонив голову, чтобы владелец бара не смог ее услышать. – Когда я избрала эту кожу, мне показалось, что она выглядит просто блестяще. Это случилось на автобусной остановке. Она направлялась на север, как и я сама. Вот я и решила... Почему бы и нет? Было ясно, что девушка одинока, и если ею заинтересуются, то только по обычному поводу. Значит, несколько месяцев или даже лет можно неплохо повеселиться. Но вот беда... – Она под столом незаметно для других мягко прижала ладонь к животу, ее голос зазвучал взволнованно. – Из-за этого мне и приходится перемещаться. Примерно месяцев через пять я должна родить.

Я отодвинула стакан с бурбоном в сторону, оперлась локтем о стойку, достала из кармана жакета небольшой черный блокнот и огрызок карандаша.

– Что конкретно ты хотела бы для себя подыскать?

Янус в задумчивости прикусила губу.

– Мужчину, неженатого, лет двадцати пяти. Я согласна и на более молодого, но чтобы был способен содержать себя. Вот мальчики мне точно ни к чему. Тридцать два – максимум. Более возрастные уже не стоят потраченных усилий. Он должен быть холост, хотя об этом я уже упомянула. Без излишка волос на теле. Я ничего не имею против ежедневного бритья, но слишком густая поросль – это как-то уж очень в стиле конца девятнадцатого века. Мне бы хотелось, чтобы у него было собственное жилье. Где-нибудь не дальше Принстона. Пусть платит ипотеку. Это нормально, но мне не хотелось бы связываться с формальностями изначальной сделки.

Я облизала испачканный грифелем кончик пальца и перевернула страницу блокнота.

– Какие-то требования к уровню образования, перспективам карьеры?

– Самые высокие. Я ищу сферу для долговременного капиталовложения. Хочу открыть собственную компанию, завести семью. Хочу... А скажи-ка мне, чего хочет сам мистер Паттерджонс Уинн?

Вопрос был задан так неожиданно, а имя так исковеркано, что я сначала его не узнала.

– Ты имеешь в виду меня саму?

– Да? Чего бы ты хотела для себя?

Я колебалась с ответом, карандаш завис над чистым листком.

– А тебя это волнует?

– Когда мы впервые встретились, ты хотела... Как там ее звали?

– Айеша, – пробормотала я, сама поражаясь, как молниеносно всплыло в памяти имя. – Айеша бинт-Камаль. Она была... Но только мне пришлось уехать.

– Словом, ты хотела женщину, – заключила она, передернув плечами. – Жену. Нормальную жизнь. А чего хочешь теперь?

Я подумала, сложила блокнот, посмотрела ей прямо в глаза и ответила:

– Хочу того же, что и все, – чего-то лучшего.

– Лучшего в сравнении с чем?

– В сравнении с той жизнью, какую мне приходится вести сейчас.

Наступил момент, когда наш разговор мог принять самый неожиданный оборот. Но затем Янус усмехнулась и расслабилась, похлопав меня по руке:

– Пока тебе будет не до личной жизни. Устрой сначала мою. Желаю удачи!

Я вздохнула и снова взялась за блокнот:

– Какие еще пожелания? Полностью здоровая особь, весь набор прививок?

Она снова пожала плечами.

– Вижу, ты хочешь разговаривать только о деле. Что ж, отлично, – заключила она, а потом стала надавливать пальцем мне на бедро, произнося каждое важное для себя слово. – Никакого плоскостопия. Ты скажешь, это мелочь, но у меня не будет времени на лечение. Не возражаю против очков. Они добавляют солидности и достоинства. Но никаких проблем со слухом или кожей. Всякая там экзема полностью исключается. Да, и не надо сюрпризов в сексуальной области. Этим уже сыты по горло, благодарим покорно.

– Рост?

– Выше пяти футов и шести дюймов, по крайней мере. Но я не желаю и особо выделяться. Когда в тебе шесть футов и два дюйма, тебя воспринимают уважительно. Но чуть выше, и ты уже начинаешь привлекать ненужное внимание.

Я сделала пометку.

– Как я поняла, тебе нужно что-то на годы, а не на пару месяцев?

– Да, ты поняла верно.

– Ты ставишь перед собой какие-то особые цели, о которых мне следует знать?

Она ненадолго задумалась, а потом ответила:

– В общем, так: я хочу устроить нормальную жизнь, жениться на красивой девушке, иметь дом, завести ребенка. А если у меня еще и будет при этом диплом Гарварда – доплачу отдельно.

Пятьдесят лет спустя я шла по улицам предрассветной Братиславы с сумкой через плечо, с наручниками в кармане и чувствовала жуткую злость.

Это был тот серо-синий час самого пронизывающего холода, когда ночь уже успела поглотить последнее тепло вчерашнего дня, а заменить его было нечем. Оставалась лишь надежда на солнце, вот-вот готовое снова взойти. В дверях супермаркета рядом с надежно опущенными на витрины жалюзи спал нищий, совершенно выпавший из жизни, подложив синий пакет под голову. На пустынной сейчас рыночной площади Милетикова доносилось урчание мотора мусоровоза, собиравшего и крушившего в кузове пустые ящики, оставшиеся от предыдущего торгового дня, освещая желтыми фарами серые стены домов. По Дунаю в сторону Вены пыхтела оранжевая самоходная баржа с ржавыми бортами, высоко сидевшими над водой. Я направилась к выгнутой арке моста Аполлона и заметила сидевшего под ним на лавочке одинокого дворника, покуривавшего рядом со своей тележкой, куда собирал мешки, набитые павшей листвой.

При моем приближении он поднял взгляд, но не воспринял меня как источник опасности. Я достала наручники, защелкнула на своих запястьях. При их щелчке дворник снова посмотрел на меня, но успел лишь увидеть, как моя рука протянулась к его шее. Я прижала пальцы к оголенной коже между ключицей и шеей и совершила переход.

Натан Койл покачнулся, когда я поднялась с лавочки, и, прежде чем он успел сделать хотя бы одно движение, я ударила его в плечо, не слишком сильно. Однако Койл качнулся назад и оступился. Он попытался смягчить падение, но его руки были скованы спереди, и потому падение получилось болезненным. Я склонилась над ним. У меня хрустнул коленный сустав. Зато моему телу стало тепло, оно даже было покрыто липким потом под плотной защитной курткой. Койл хотел что-то сказать, но я уже сдавила одной рукой его горло, а другую прижала к щеке и прошипела:

– На кого ты работаешь?

Мне хотелось кричать, но над рекой звуки разносились далеко и звонко, а потому я лишь крепче надавила на его руки и прорычала:

– Почему ты убил Жозефину? На кого ты работаешь?

Как только он попытался выскользнуть из-под меня, перекатившись в сторону, я зажала коленом его руку. Потом вонзила кулак ему в лицо, перенесла весь свой вес на его грудь и громко прошептала:

– Что вам надо?

– Кеплер... – слово едва вырвалось из его рта, преодолев давление моей руки на горло. –

Галилео.

– Кто такой Галилео? Что такое Галилео?

– *Санта-Роза*.

– Я не знаю, что это.

– *Санта-Роза*. Милли Вра. Александра.

– О чем ты говоришь? Что все это значит?

Он снова попытался дернуться, но заметил, как сурово я поджала губы, и решил сдаться, пока недопонимание не зашло слишком далеко.

– Он убивает, потому что ему это нравится, – прошептал он. – Убивает, потому что

может убивать.

– Кто? Галилео?

Он не ответил, но и не пытался ничего отрицать. Я прижала локоть к его трахее так, что у него глаза полезли из орбит.

– Я не профессиональный убийца, – прохрипела я. – Все, к чему я стремлюсь, это остаться в живых.

Он хотел продолжать говорить, но его язык не шевелился, и у меня появилось немного времени на раздумья. Это лицо, которое уже столько раз смотрело на меня из зеркала, теперь искажил чей-то чужой страх. Но это было лицо того, кто убил Жозефину Цебулу.

Его щеки, распухшие и покрасневшие, на глазах приобретали пурпурный с синевой оттенок. Издав подобие рыка, я чуть ослабила давление, позволив ему вдохнуть поглубже, и от усилия у него даже задрожала голова.

– На кого ты работаешь? – снова спросила я, вонзив пальцы в собственные запястья, скрытые сейчас плотными и вонючими перчатками. – Кто придет за мной?

Он лежал, пытаясь отдышаться, и молчал.

– Они ведь убьют и тебя тоже. Если они подобны тебе, то придут за мной, а заодно прикончат и тебя.

– Знаю, – ответил он. – Я это *знаю*.

Знает, но ему все равно. А я уже забыла, когда в последний раз сама хотела умереть.

– Почему ты убил Жозефину?

– Я выполнял приказ.

– Потому что она была убийцей?

– Да.

– Потому что убила тех людей в Германии? Доктора Улька, Магду Мюллер. Из-за них?

– Да.

Я сгрэбла его за ворот рубашки и приблизила его лицо почти вплотную к своему.

– Но ведь все это ложь, – прошипела я. – Я провела большую работу, изучила ее биографию до мельчайших подробностей, прежде чем сделала предложение. Твои люди *лгут*. Она никого не убивала. Совершенно безвинный человек! И эту лживую мразь ты так упорно защищаешь. Чего они добиваются?

Я ощущала его дыхание на своем лице. От него пахло дешевой зубной пастой. Когда это лицо было моим, я как-то не обращала на такие мелочи внимания. Потом я отпустила его ворот, и его затылок снова ударился о камни мостовой. Он лежал подо мной, опять почти не дыша.

– А чего хотите вы, мистер Койл? – спросила я, снова крепко взявшись пальцами за его горло. – Забудем о тех, кто вас послал, кто лгал вам. Чего хотите *вы сами*? – Он не отвечал. – Что ты сделаешь, если я освобожу тебя? – Задавая этот вопрос, я избегала смотреть на него.

– Пущу тебе пулю в голову, не дав дотронуться больше ни до единой живой души.

– Так я и думала, – кивнула я. Потом добавила: – Мне известно про Элис.

Едва заметная реакция. У него лишь чуть дрогнула мышца у глаза, мелко дернулся подбородок, но более явной реакции мне и не требовалось.

– Я навестила Гюблера. Он узнал меня. То есть тебя. Сказал, что ты показался ему хорошим человеком, который почти полностью понял его. Рассказал о вашем с Элис визите. Запомни: когда участвуешь в секретной операции, никогда не оставляй в книге регистрации посетителей номера своей машины.

Теперь его дыхание заметно участилось.

– Ты все равно не найдешь ее.

– Конечно найду, – пообещала я. – А если не найду, она сама разыщет тебя. Видишь, сколько преимуществ дает мне обладание твоим лицом? Быть может, Элис даже расскажет мне правду о том, почему умерла Жозефина.

Я отпустила Койла, перевалившись на камни рядом. Он продолжал лежать на спине со скованными руками, глядя вверх на падающие капли начавшегося дождя.

– Я... я только исполнял приказ.

– Поняла, – вздохнула в ответ я. – Ты простой рядовой солдат.

Он открыл рот, чтобы заговорить. Но я уже схватилась за его руку. Едва ли он мог сообщить мне что-то интересное.

Теплоход до Вены.

Серебряные воды Дуная местами так широки, что его можно принять за море, у которого видны оба берега. Путешественники пересекают границу Словакии и Австрии, почти не замечая этого. Паспорта бегло проверяет при посадке билетный контролер. Вдоль берега видны хижины-временки, давно покинутые рыбаками. Вода стоит высоко, и окна некоторых из них заливают вода. Это не река для богатых яхт, это река-труженица, создающая по обоим берегам плодородные слои богатой илом почвы. Она питает водой многочисленные фабрики, а позади заливных лугов лежат маленькие городки с длинными названиями, в которых никто не пытается особенно сблизиться со своими соседями. Больше всего австрийцы ценят приватность уединения, и города вдоль реки застыли в ожидании перемен, которые никогда здесь не наступят.

Зря я ударила Койла. Теперь у меня лицо покраснело и побаливает, а скоро под глазом окончательно расплывется огромный синяк.

Я уже нахожусь в Шенгенской зоне и могу временно считать проблему паспортов неактуальной. У меня хороший разговорный немецкий, и уж если исчезать из чужого поля зрения, то именно сейчас. Новое тело, новое имя, новая жизнь. Нужна лишь плотная толпа на выходе из собора или на рыночной площади, где я смогла бы сменить тела десять или пятнадцать раз, за чем не успеют уследить самые опытные соглядатаи, пусть их даже будет много. Я глотаю яд, и, пока отравы не начала действовать, переключаюсь, предоставляя Койла его вполне заслуженной судьбе. А я войду в другую жизнь, более интересную и яркую, чем прежняя. Каждая следующая жизнь неизменно кажется особенно многообещающей.

Но Жозефина Цебула умерла на станции «Таксим».

Потому я не сбегу.

По крайней мере, не сегодня.

Теплоход пристает сразу за мостом Шведенбрюке. На западном берегу старой Вены, туристической Вены, города шпилей, дворцов, Sachertorte^[6] и концертов из произведений Моцарта – все по десять центов. На восточном берегу старинные прямоугольники окон исчезают, уступая место белому бетону и металлу жилых кварталов послевоенной Европы. Я направляюсь на запад, в старый город мимо матрон, чьи безукоризненные зады обтягивают узкие юбки – они выгуливают по вылизанным улицам собак в подгузниках. Мимо важных джентльменов с черными портфелями из лакированной кожи. Мимо иммигрантов, торгующих пиратскими дисками с фильмами прямо из лежащих на асфальте открытых рюкзаков, а их постоянно прогоняют полицейские в синих мундирах и фуражках. И эти полицейские отлично знают, что пьянство и наркомания превращаются в проблему, только когда бросаются в глаза бургомистру и его чиновникам. Я прохожу мимо фигур ангелов, которые с печалью смотрят, как их город оскверняют своим присутствием тысячные толпы неотесанных провинциалов-чужестранцев, мимо монументов императорам на боевых конях, императрицам, прославившимся своими добрыми делами, и генералам, павшим в боях с турками или при подавлении внутренних мятежей. Я миную художественную галерею, где проходит выставка под заманчивым названием: «Основные цвета: возрождение постмодернизма». На рекламных плакатах организаторы объясняют, что внутри вы обнаружите полотно, целиком написанное в одном цвете – красном, синем, зеленом, а для

более радикально настроенных ценителей живописи – даже в желтом. Причем на последнем шедевре в нижнем углу поставлена белая точка, мистическим образом притягивающая к себе всеобщее внимание. Картина под названием «Любовная аневризма» выполнена в пастозно-пурпурных тонах с узкой голубой полоской, которую можно различить, только если прищуриться. Два абсолютно черных холста справедливо наименованы «Без названия».

Но я иду мимо. Мне нравится думать, что я двигаюсь вместе со временем, но даже я чуть не пропускаю период девяностых годов XIX столетия.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Наиболее известные районы Стамбула. – *Здесь и далее примеч. пер.*

«Арабская весна» – волна бунтов, гражданских войн и государственных переворотов, прокатившаяся по странам арабского мира начиная с декабря 2010 года.

Капикуле – турецкий населенный пункт, у которого сходятся границы Турции, Болгарии и Греции, железнодорожная станция.

Эмотиконы – система сокращений и значков, часто используемых при переписке в Интернете в целях сокращения текста или в качестве шуток.

Вакцина от туберкулеза.

Торт «Захер» – классический венский шоколадный десерт, изобретенный кондитером Захером в 1832 году.